

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

**Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Психологический институт Российской академии образования»**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«МЕДИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

**Москва
2020 год**

УДК 37.013.77

ББК 88.6

М-42

Редакционная коллегия: П.А. Сергоманов (отв. ред.), И.И. Манина (отв. ред.), Т.А. Попова (отв. ред.)

М-42 Медиация в современном образовательном пространстве: электронный сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Ответственная редакция: П.А. Сергоманов, И.И. Манина, Т.А. Попова - М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020 - 115 с.

ISBN 978-5-60644523-5-6

В сборнике представлены материалы, в которых отражено содержание выступлений участников II Международной научно-практической конференции «Медиация в современном образовательном пространстве», проведённой в ФГБНУ «Психологический институт РАО» в 2019 году. Подведены некоторые итоги и намечены перспективы исследований в данном направлении. В сборнике представлены научные исследования и практическое применение медиации в области образования. Авторы материалов – преподаватели высших и средних учебных заведений, работники научных центров Российской Федерации, Республики Беларусь. Представленные материалы будут интересны медиаторам, психологам, педагогам и широкому кругу читателей. Статьи публикуются в авторской редакции.

Mediation in the modern educational space: electronic collection of materials of the II International scientific-practical conference / ed. P.A. Sergomanov, I.I. Manina, T.A. Popova. - M.: FGBNU «Psychological Institute RAO», 2020 – 115 p.

ISBN 978-5-60644523-5-6

The collection contains materials that reflect the content of the speeches of the participants of the II International Scientific and Practical Conference "Mediation in the modern educational space" held at the Psychological Institute of RAO in 2019. Some results have been summed up and prospects for research in this direction have been outlined. The collection presents research and practical application of mediation in the field of education. The authors of the materials are teachers of higher and secondary educational institutions, employees of scientific centers of the Russian Federation, the Republic of Belarus. The presented materials will be of interest to mediators, psychologists, educators and a wide circle of readers. Articles are published in the author's edition.

ISBN 978-5-60644523-5-6

УДК 37.013.77

ББК 88.6

© ФГБНУ «Психологический институт Российской Академии образования», 2020 г., авторы.

Оглавление

II международная научно-практическая конференция «медиация в современном образовательном пространстве»	4
Раздел 1. Научные исследования в области медиации	6
<i>Возможности исследований в области медиации</i>	6
<i>Модернизация медиативных технологий в социальной сфере и ювенальной юстиции. Дайджест пилотного проекта классической медиации</i>	14
<i>Доверие и договороспособность как взаимосвязанные факторы развития организации</i>	21
<i>К проблеме формирования профессиональной готовности педагогов-психологов к реализации восстановительных технологий в образовательной организации</i>	28
<i>Психолого-педагогические условия формирования конфликтологической компетентности субъектов образовательных отношений в рамках деятельности школьных служб разрешения конфликтов</i>	33
Раздел 2. Практика интеграции медиации и восстановительного подхода	39
<i>Заметки о восстановительной медиации как социальной инженерии</i>	39
<i>Опыт интеграции восстановительной медиации в деятельность образовательных организаций на территории Красноярского края</i>	46
<i>Прототип медиации в традиционном тексте мирилки</i>	54
<i>Особенности обучения педагогов процедуре медиации</i>	60
<i>Эффективность различных моделей медиации</i>	67
<i>О возможных перспективах развития медиации вне судебной системы</i>	72
Раздел 3. Взгляд на медиацию магистрантов и студентов	77
<i>Применение медиации при возникновении трудовых конфликтов</i>	77
<i>Особенности проведения лекций иностранными спикерами, приезжающими в Россию для выступлений</i>	87
<i>Формирование медиативной культуры в современном российском обществе: mediation skills</i>	90
<i>Медиативный подход как возможность изменения общественных отношений</i>	96
<i>Виды медиации в России и Германии</i>	101
<i>Установка как один из наиболее влиятельных факторов в конфликте</i>	105

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕДИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА

28 октября 2019 года Психологический институт гостеприимно распахнул двери гостям и участникам конференции. Собралось почти 100 человек из разных городов и стран: профессиональные медиаторы, юристы, социальные педагоги психологи, педагоги, руководители образовательных и других организаций, студенты различных ВУЗов.

Пленарная часть стартовала в 10.00, прозвучало приветственное слово участникам конференции от *Павла Сергоманова*, врио директора Психологического института.

Специальные гости из Австрии – *Герда Мета* и *Галина Похмелкина*, представили доклад на тему «Многообразие форм выхода из конфликтов с опорой на позицию медиатора». Доклад вызвал серьезную дискуссию о возможностях и перспективах исследований в области медиации, о проблемах комплексного подхода к исследованиям и разработкам.

Такой нестандартный формат проведения конференции инициировали сами спикеры. Последующие пять докладов также содержали дискуссии по вопросам возможности исследований и разработок в области медиации.

Наталья Гайдаенко Шер, *Рустем Максудов*, *Елена Иванова*, *Елена Морозова*, *Анастасия Архипкина* охотно раскрывали секреты практик и отвечали на вопросы участников конференции, поясняли, дополняли доклады. Спикеры говорили о том, что основой успешной медиации является компетентность и позиция медиатора, на которую он опирается в своей работе. Активно обсуждались вопросы о стандартах и этике медиатора, профессиональных сообществах и специализации медиаторов. Рассматривались результаты и перспективы социального проектирования, освещалась тема необходимости проведения научных исследований в области медиации, а также государственной поддержки в организации научных исследованиях и обучении специалистов в области медиации. Завершающим стало выступление *Татьяны Поповой*, выразившей мнение руководства института о возможностях проведения научных исследований и доказательности в медиации.

После перерыва участников пригласили на практическую часть конференции. Ведущие мастер-классов: *Герда Мета*, *Галина Похмелкина*, *Рустем Максудов*, *Марина Быкова*, *Антон Коновалов*, *Владимир Графский*, *Елена Морозова*, *Юрий Капштык* делились секретами своих практик. Особый способ развития коммуникативных компетенций был показан *Анастасией Архипкиной* в деловой игре «Путь к успеху», в которой смогли принять участие все желающие.

Эта конференция, кроме необычного формата, отличалась тем, что сотрудникам образовательных организаций, прошедшим курс по авторской программе тренера-медиатора *Ирины Маниной* «Куратор службы школьной медиации: формирование медиативных компетенций», удостоверения о повышении квалификации торжественно вручались в главной аудитории института в присутствии участников конференции.

Уникальность замысла этой образовательной программы была в том, что слушатели, *впервые*, после основного курса обучения, смогли глубже понять и даже освоить некоторые навыки медиации на шести мастер-классах, проводимых экспертами в рамках конференции. Слушатели смогли участвовать в дискуссии о перспективах медиации, вступить в диалог со спикерами, практиками-медиаторами разных стран и городов России, познакомиться с разнообразием подходов при урегулировании конфликтов и неординарными приёмами работы в зоне конфликта. И всё это было предоставлено в качестве бесплатного бонуса.

Такой тип программ для медиации и медиативным практикам, смешивающий образование и научные дискуссии Институт успешно опробовал впервые.

Оргкомитет конференции

РАЗДЕЛ 1. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МЕДИАЦИИ

УДК 001.891.32

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ МЕДИАЦИИ

Попова Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, ст.н.с. ФГБНУ «Психологический институт» Российской академии образования, Москва, Моховая д 9 стр. 4, доцент МИП

ORCID 0000-0001-8772-8990

Аннотация. В данной статье рассматривается спорный вопрос об исследованиях в области медиации. Существует ли предмет для исследований? Представлен небольшой обзор исследований за рубежом, описаны принципы медиации.

Ключевые слова: медиация, исследования, школьная медиация, восстановительная медиация, медиация в образовании, медиативные подходы.

THE OPPORTUNITIES RESEARCHES OF MEDIATION

Popova Tatyana Anatolyevna – FSBI «Psychological Institute» of the Russian Academy of Education, Moscow, Mokhovaya, 9, Bldg. 4, email: elenia2@yandex.ru ORCID 0000-0001-8772-8990

Absrtact. This article addresses the controversial issue of research in the field of mediation. Is there a subject for research? A small review of studies abroad is presented, the principles of mediation are described.

Key words: mediation, research, school mediation, restorative mediation, mediation in education, mediation approaches.

Представленная статья всего лишь попытка рассмотреть вопрос о возможности научных исследований в области медиации. Вопрос был поставлен перед участниками и спикерами на II Международной конференции по медиации в образовательном пространстве. Прозвучавшие ответы от спикеров вызвали дискуссию у других участников научного мероприятия. Одни выступающие говорили о том, что научные исследования крайне важны для медиации, необходимо исследовать эффективность методов медиации и профессионализм медиаторов, составляя психологический профиль сегодняшнего специалиста, другие предлагали рассматривать внедрение принципов и методов различных психологических направлений, как они могут быть полезны для практики медиаторов, точка зрения третьих была крайне категорична, поскольку медиация является всего лишь инструментом и фундаментальных научных исследований быть не может, поскольку отсутствует предмет для исследования. Некоторые склонялись к мнению, что необходимо исследовать участников медиативного процесса, исследовать собственно пространство медиации. Прийти к единому мнению не удалось.

Поиск данных по исследованиям показывает, что защищено более двухсот диссертаций, но большинство из них по юриспруденции. Статьи по медиации в образовательном пространстве часто являются обзорами подходов и направлений медиации. В статье А.Ю. Коновалова находим очень подробный анализ ситуации со школьной медиацией в России: первые службы примирения были организованы 17 лет назад, «первая медиация школьниками-медиаторами была проведена 16 декабря 2002 г. в школе № 464 г. Москвы. Эту дату можно считать началом деятельности Школьных служб примирения в России» [5, с.19] Автор предлагает воспользоваться данными Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации: на начало 2013 г. в 15 территориях уже действовали 748 школьных и 77 территориальных служб примирения. За 2012 г. ими в ходе проведения различных восстановительных программ было разрешено около 5 тыс. конфликтных и криминальных ситуаций, в которых участвовали более 17 тыс. человек, находящихся в конфликте.

На сегодняшний день количество школьных служб медиации. В цифрах, приводимых в отчете по мониторингу за 2016 год, указано, что действующих служб школьной медиации всего зарегистрировано 852. [5, с. 7] Автор предлагает следующие данные: «В Мониторинге 2016 года приняли участие 23 региона. Службы примирения созданы в основном в организациях среднего общего образования (97%). 75 % школьных служб примирения с участием детей волонтеров (медиаторов-ровесников). В школьных службах примирения (где есть школьники) по 5 медиаторов-ровесников, и по 6-7 школьников, помогающих в работе службы. В среднем в школьных службах примирения по двое взрослых медиаторов. В год в среднем одна школьная служба примирения проводит 6-7 восстановительных программ. 73% из них составляют программы медиации.

На втором месте идут восстановительные профилактические программы, проводимые либо после медиации участников, либо по сложным ситуациям в классе, когда конфликт еще не назрел, но участники признавали напряжение или неудовлетворенность происходящим» [5, с.10]. В мониторинге 2017 года приняло участие 21 территория, количество служб примирения 1443, количество взрослых участников – 3084, количество учащихся – 4147. Представленная статистика свидетельствует о том, что в Российской Федерации присутствует положительная динамика внедрения медиаторства в школы и образовательные учреждения. В этом учебном году статистические параметры по количеству организованных служб примирения в школах вероятно еще вырастут в связи с введением приказов и положения министерства образования об обязательном наличии служб школьной медиации в школах (примером может служить приказ Министерства образования Московской области №2511 от 18-09-2019 г).

На сайте Всероссийской ассоциации восстановительной медиации можно найти много полезной информации, в том числе и подробные отчеты по мониторингу, которые мы использовали при написании статьи, обзор мероприятий, проводимых ассоциацией, правовые документы. А.Ю. Коновалов

описывает модели, которые используются при организации служб школьной медиации, приводит примеры в каких странах какие модели преобладают.

Так, например, в США это общинная школьная медиация, истоком которой является соседская. «Некоторые медиаторы в Австралии и Новой Зеландии развивают восстановительную культуру. Работы некоторых авторов имеют религиозные аспекты, и деятельность взрослого медиатора является продолжением его религиозного становления». В противоположность этому Европейские страны в большей степени обращаются за решением конфликтов к специалистам (адвокатам, судьям, психологам), что формирует соответствующую ориентацию их медиации. Практика Школьных служб примирения в нашей стране относится скорее к общественному типу (в образовательной и социальной сфере общин нет, но есть сообщества) и развивается активистами и организациями с ориентацией на профессиональные сообщества. Также автор пишет о восстановительной модели и упоминает нарративную и трансформационную модели. [5]

От темы школьной медиации перейдем к возможным вариантам исследовательской работы. Так, например, С.В. Харитоновым в статье «The Theory of Dynamics of Living Systems Activity in Interpersonal Interaction» описана попытка исследования процесса становления взаимодействия двух человек с точки зрения теории динамики активности, которая постулирует существование трех базовых феноменов, обеспечивающих эту динамику – термность, тропность и сопричастность [12, с.882]. Разворачивание диалога, рассмотрение динамики развития взаимодействия – важный аспект эмпирических исследований в области медиации. Эксперимент, проведенный на выборке в 42 человека и зафиксировавший различные этапы в диалогическом общении, позволяет представить некоторую модель медиаторского контакта.

Отечественные исследователи (О.В. Аллахвердова, Ц.А. Шамликашвили, А.Д. Карпенко, Г.В. Севастьянов, О.В. Маврин, В.О. Аболонин, А.П. Гуськова, О.А. Львова и др.) прибегают к исследованию структуры, функции, истокам медиации, через них выделяют различные аспекты, элементы, анализ развития и применения в практике медиации. Можно отметить области, которые освещают исследователи медиативных практик, у В.О. Аболонина [1] находим финансовые и юридические аспекты институционализации медиации в России; С.К. Загайнова [3] рассматривает медиацию как эффективный инструмент разрешения коммерческих споров и те нюансы, которые сопутствуют такой форме реализации медиативных практик; О.В. Аллахвердова [2], О.В. Маврин [6] и А.Д. Карпенко, [4] формируют концепцию медиации как имеющей место в различных областях социальной жизни.

Какая проблематика отражена в работах зарубежных авторов? Психологические аспекты медиации основательно описаны в работе «Психология медиации» Дэвида Хоффмана и Ричарда Волмана. [11] Основными целями статьи являются рассмотрение широкого спектра психологических феноменов и их применение в медиации, а также помощь в разборе различных психологических течений, которые проявляются в процессе

медиации. В статье раскрываются различные приемы и техники, которые могут быть применены различными медиаторами в своей практической деятельности. В первой части статьи рассказывается о чувствах людей, участвующих в процессе медиации, во второй – о применении психологии самими медиаторами. Глубокий анализ аспектов – когнитивная, эмоциональные и поведенческие составляющие процесса, эмоциональный интеллект и различные установки.

Так, например, в статье довольно подробно описано каким образом нейротрансмиттеры могут повлиять на любое решение человека, в том числе на решение пары о разводе. Авторы высказывают мнение, что посредничество будет относительно простым процессом, если стороны будут полагаться на то, чтобы действовать в своих собственных интересах или в интересах тех, кого они любят (например, общие дети). Рациональные и вдумчивые беседы тогда привели бы к рациональному и продуманному соглашению, в котором интересы сторон будут учтены максимально. Но авторы отмечают, если бы мы могли положиться на эту рационалистическую модель, было бы достаточно использовать исключительно «основанную на интересах» модель посредничества, но эмоции, аффективное поведение не дают возможности использовать столь понятный и полезный вариант медиации. Используя примеры, авторы показывают, как эмоционально реагируют люди в процессе конфликта (клиент восклицает, указывая медиатору на жену: «Ты не видишь? Это она проблема!!!» [11, р.760]), таким образом аффективное отношение к ситуации не дает возможности сделать процесс медиации эффективным.

Дэвид Хоффман и Ричард Волман пытаются разложить работу медиатора на структурные составляющие, которые помогут сделать процесс целостным и успешным. Основными целями статьи являются рассмотрение широкого спектра психологических феноменов и их применение в медиации, а также помощь в разборе различных психологических течений, которые проявляются в процессе медиации. Также в работе раскрываются различные приемы и техники, которые могут быть применены медиаторами в своей практической деятельности.

В «Исследование медиации для НРС (Health Professions Council)» предметом является потенциал использования медиации для её предполагаемой ключевой аудитории.[13] Исследование направлено на изучение видения потенциальной целевой аудитории медиаторства и использования его в различных целях в сфере здравоохранения. Во время исследования были проведены: 18 интервью по телефону с менее заинтересованной аудиторией, сбор информации в 4 дискуссионных группах, 10 телефонных интервью с представителями непосредственно прямой целевой аудитории. Результатом данного исследования стало, что на данный момент большинство целевой аудитории не видит возможности использования медиации в своих целях из-за недостаточного понимания принципов её работы. К таким же выводам пришла А. Архипкина, выступая на конгрессе и отмечая, что для полноценного применения медиации прежде всего необходимо просветительская деятельность про медиацию.

Предметом исследования ученых из Великобритании является выявление разнообразных особенностей медиаторов в Великобритании: их практика и опыт медиации, профессиональные стандарты и правила, а также приоритеты и направления развития на ближайшее время. CEDR (Центр эффективного разрешения споров) проводит подобное исследование в 8 раз. Опрос был проведен с помощью интернет-опросника, участие в котором мог принять любой медиатор Объединенного Королевства. Он был опубликован на официальном сайте CEDR, а также рассылался по электронной почте. Это статистически значимая выборка, которая составляет более 50% от общего числа членов Гражданского Совета Медиаторов.

Результаты исследования показали, что примерно 45% всех судебных дел решаются путем медиации (4500 случаев), 200 человек участвуют в 85% всех, не связанных с коммерцией дел. В 90-е года медиация была представлена в Великобритании как альтернативный способ решения конфликтов, сейчас медиация в этой стране является неотъемлемой частью при решении разнообразных вопросов. Медиация в УК – отдельная высокооплачиваемая профессия, необходимая во многих сферах жизни. [14] Отметим, что медиация в Великобритании развивается при государственной поддержке. Предметом других исследований являются психологические факторы, которые важны для процесса медиации на различных уровнях, вплоть до международного.

В другом исследовании приняло участие 6 респондентов, занимающихся медиаторской деятельностью в Эфиопии, небольшое количество автор объясняет особыми условиями, в Эфиопии пока медиация только начинает внедряться. София Эрикссон выявила психологические факторы: чувство собственного достоинства, потеря репутации, способность отпускать ситуацию и возможность зеркального отражения. Также необходимо учитывать, что данные факторы непосредственно связаны с культурой Эфиопии и культурой общества данной страны.[10]

Обзор столь разнонаправленных исследований создает хаотичное впечатление от данной области, но на сегодняшний момент это отражает актуальную картину – исследования касаются как структуры и некоторых аспектов медиации, так и собственно процесса, участников, разбора психологических особенностей, социологических аспектов: динамика развития медиаторских практик, количество организаций принимающих участие и количество клиентов, использующих данную практику, т.е. статистика, мониторинг, исследования, построенные по кальке научных экспериментов из других областей знания.

Достаточно основательный вариант анализа возможностей научных исследований медиации представлен в статье С.В. Харитоновой и Ц. А. Шамликашвили «Основания медиации». [9] Авторы подтверждают, что на сегодняшний день нет однозначных ответов, на, казалось бы, простые вопросы: какие существуют доказательства, что медиация эффективна? Какие основополагающие научные принципы лежат в ее основе? Литературные данные очень скромные. Авторы отмечают: «В лучшем случае, аргументом эффективности служат декларации об успешности конкретного применения

медиации, но не сведения о методе в целом. В практическом отношении понятно, что важен каждый случай, где человек оказался выгодоприобретателем в связи с использованием медиации». Нельзя не согласиться с тем, что «любой научно обоснованный метод должен быть воспроизводим самыми разными людьми, иначе речь будет идти не о методе, а о личном опыте помощи». Авторы задумываются над тем, как построить научный эксперимент. Основная сложность, указанная как краеугольный камень для научных исследований в медиации – это междисциплинарность, и тут же возникает следующий базовый вопрос для исследователей – методология. С медиацией в научном исследовании все усложняется еще и тем, что она одновременно является «междисциплинарной областью, прикладной деятельностью, социокультурной категорией и философией, или мировоззренческим подходом восприятия человека как автономной единицы общества, как личности, имеющей право на выбор и несущей ответственность за него». [9, с.34]

Укажем некоторые из наук и областей знания, представленные в медиации: юриспруденция, психология, социология, культурология, философия, филология, лингвистика, политология, антропология, феноменология, семиотика, аксиология, теория управления, конфликтология, поведенческая экономика, этология и другие. [9, с.34] Но некоторые попытки исследований все-таки предпринимаются. Авторы статьи утверждают, что ФГБУ «Федеральный институт медиации» осуществил один из ключевых шагов по интеграции накопленного эмпирического и практического опыта и разработал стандарт научных исследований «Надлежащая практика гуманитарных исследований». С 2015 г. этот стандарт стал национальным, и на его основе проводится ряд комплексных научных работ междисциплинарного характера. «Система постоянного мониторинга позволила собрать доказательства эффективности метода и его безопасности для сторон. Данные получены в рандомизированных, слепых исследованиях, что удовлетворяет наиболее высокому уровню международных требований в области проведения научных работ». [9, с.35].

Также проведены исследования по выявлению роли психологических факторов в восприятии сторонами медиатора и сторонами друг друга в условиях актуального спора. На основе этих данных удалось синтезировать целостный образ поведения медиатора, оптимального для содействия урегулированию спора сторонами, также авторы заявили о начале работы по созданию обучающего алгоритма, что позволит совершенствовать подготовку медиаторов, опирающихся на медиативное мировоззрение в практической деятельности – и технологически, и психологически.

Далее авторы отмечают, что немалые трудности подстерегают ученых в проведении научного исследования по медиации – в выборе объекта и предмета исследования, и даже если в этом будут преодолены разногласия, то с новыми препятствиями исследователи столкнутся при определении дизайна исследования, поскольку воплощение дизайна и требования к проведению исследования в различных областях науки – разные. Выбор учеными

методического аппарата также представляет собой непростое решение – использовать методы, применяемые в одной из научных дисциплин, либо разрабатывать новые, междисциплинарные?

Актуальным становится вопрос на какие принципы необходимо опираться при выборе и разработке методологии и методов исследования? Все-таки представим, что данные получены. Далее встает основная проблема: обсуждение полученных результатов и формулирование выводов. Каким способом будут обрабатываться, анализироваться и интерпретироваться данные: в какой парадигме, опираясь на какие принципы – это также непростые вопросы, которые необходимо решить исследователям. Выходом из этой проблемы становится несколько необычный для традиционных монодисциплинарных изысканий способ. С.В. Харитонов и Ц. Шамликашвили предлагают подход, используемый Ж. Деррида (деконструктивистский анализ текстов). Полученные данные должны интерпретироваться с позиций всех участвовавших в исследовании дисциплин. То есть речь идет о междисциплинарной, а в некоторых случаях и полидисциплинарной интерпретации. Последняя имеет ту особенность, что, в отличие от междисциплинарной, в ней нет интерактивного взаимодействия между дисциплинами [9, с.43].

Полученные данные интерпретируются учеными в контексте методов познания, относящихся к узким областям знания, но с использованием циркулярных поправок: «То есть мы видим возможности циркулярных поправок в выводах одних специалистов, опирающихся на выводы других. Вероятно, оптимальным путем формирования собственно междисциплинарного знания являются консенсусные решения по циркулярным поправкам». [9, с.44]. Также речь в статье идет и о аспекте развития подходов к междисциплинарным исследованиям, где медиация может быть использована в качестве инструмента проведения обсуждения, интерпретации результатов (бэкграундом) выступает в роли медиатора-фасилитатора на различных этапах исследования: от замысла, постановки целей и задач — до формулирования выводов. Медиатор-фасилитатор содействует (впрочем, как и в обычной медиации) рождению общей культуры, помогая, в том числе, участникам совместить их «картины мира», выработать (вернее, согласовать) идентично понимаемый понятийный аппарат». [9, с.44]

Авторы делают заключение о том, что необходимы результаты и выводы не только для каждой отдельной области знания, но и панорамное представление о значимости проведенных научных изысканий для междисциплинарного знания.

Таким образом, анализ информации о медиации демонстрирует достаточное разнообразие возможных путей для проведения научных исследований по медиации, сделанные попытки носят разносторонний характер, вопрос о фундаментальных научных исследованиях пока остается открытым.

Литература

1. Аболонин В.О. Судебная медиация: Теория – практика – перспективы. Книга 6. М.: 2014.
2. Аллахвердова О.В. Карпенко А.Д. Медиация переговоры, с участием посредника. СПб.: Роза мира, 2007. 144 с.
3. Загайнова С.К. О комплексном подходе к развитию медиации в России // Закон 2012 №3. С. 5.1- 56.
4. Карпенко А.Д. Результаты экспериментального проекта медиаций в российских судах // Третейский суд. - 2012. № I. С. 23-26.
5. Коновалов А.Ю. Модели работы с конфликтами на основе восстановительной медиации в системе образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Konovалov.phtml> (дата обращения: 15.10.2019)
6. Маврин О.В. Технологии урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов) . Казань: Изд-во Казан. ун-та., 2014.
7. Севастьянов Г.В. Хрестоматия альтернативного разрешения споров. СПб.: "Третейский суд", 2009. 319 с..
8. Шамликашвили Ц.А. Две стороны одной медали: медиация и суд // Медиация и право. М.: "Межрегиональный центр управленческого консультирования", 2013.
9. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. Основания медиации (Медиация как область научных исследований) // Вестник ФИМ, 2017, N 1, с. 30-50
10. Eriksson S. The psychology of mediation A qualitative study on mediation in Ethiopia, 2014
11. Hoffman D., Wolmann R. The Psychology of Mediation // Cardozo j. of conflict resolution ,Vol. 14:759, p 759-806, 2014
12. Kharitonov S. V. The Theory of Dynamics of Living Systems Activity in Interpersonal Interaction European Researcher, 2014, Vol.(74), No 5-1 ,p 882-890
13. Mediation Research, Research for the Health Professions Council: Final Report, 2011
14. The Eighth Mediation Audit. A survey of commercial mediator attitudes and experience. in the United Kingdom, p. 2018

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ. ДАЙДЖЕСТ ПИЛОТНОГО ПРОЕКТА КЛАССИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ

Клейберг Юрий Александрович – академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент Международной Ассоциации девиантологов, президент Международной Академии ювенологии, международный психолог-эксперт; профессор Тверского государственного университета. Тверь, ул. Московская, д. 1, офис 10, e-mail: klab53@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-6757-0102

Аннотация. Статья посвящена актуальной медиативной проблеме – модернизации медиативных технологий в социальной сфере в тандеме с ювенальной юстицией. В данной работе представлен дайджест актуального пилотного исследовательского проекта, который направлен на создание условий для формирования эффективной системы специально-правовой охраны детства как инструмента повышения уровня социально-экономического благополучия граждан РФ.

Ключевые слова: медиация, пилотный проект, модернизация, медиативные технологии, социальная сфера, ювенальная юстиция.

MODERNIZATION OF MEDIATIVE TECHNOLOGIES IN THE SOCIAL SPHERE AND JUVENILE JUSTICE. DIGEST OF THE PILOT PROJECT OF CLASSICAL MEDIATION

Kleyberg Yury Aleksandrovich – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of the International Association of Deviantologists, President of the International Academy of Juvenology, international expert psychologist; Professor of Tver State University. Tver, st. Moskovskaya, 1, office 10, e-mail: klab53@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-6757-0102

Annotation. The article is devoted to the actual mediation problem - the modernization of mediation technologies in the social sphere in tandem with juvenile justice. In this paper presents the digest of an actual pilot research project, which is aimed at creating the conditions for the formation of an effective system of special legal protection of childhood as a tool to increase the level of socio-economic well-being of citizens of the Russian Federation.

Key words: mediation, pilot project, modernization, mediation technologies, social sphere, juvenile justice.

Преамбула. Помимо общеизвестной Планетарной проблемы Человечества – Сохранение Мира на Земле, существуют и другие, не менее важные проблемы, которые требуют своего срочного решения в каждой стране. Среди множества проблем техногенного, экологического и социального характера, немаловажной является и проблема – социально-психолого-правовая, ориентированная на изучение генезиса противоречий, спора и конфликтов в социальной сфере. Поэтому эту проблему мы относим к актуальным проблемам современности.

Речь идет, *во-первых*, о создании специализированных Служб медиации и медиативных технологий в сфере начального, среднего общего, специального и высшего образования, ювенального права, в трудовых коллективах, воинских подразделениях и полиции, в спортивных и др. организациях.

Во-вторых, широкое развитие системы непрерывной подготовки специалистов по медиативным технологиям (тренеров-медиаторов в конкретной области знания – психологии, юриспруденции, социальной работе и др.) в колледжах и университетах, повышении квалификации и послевузовского обучения (магистратура, докторантура).

В-третьих, использование международного и регионального (национального) опыта применения медиации и медиативных технологий, создавая при этом свою уникальную систему помощи в спорах и конфликтных ситуациях, особенно в детско-подростковой и юношеской среде.

Наш Проект основывается на действующем законодательстве Российской Федерации. Правовой основой медиации являются:

Конституция РФ.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. №193-ФЗ.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ.

Международное право. Статья 33 Устава ООН, где медиация (посредничество) признана как средство мирного разрешения споров и др.

Единый закон о медиации (Uniform Mediation Act, USA, 2001).

Актуальность данной проблемы заключается еще и в том, что, как свидетельствуют различные международные отчеты, в странах Европы, США и др. нарастает интолерантность, насилие, агрессивность и конфликтогенность в социальной среде – преступность, экстремизм, терроризм, наркотизм и др.

Поэтому мы убеждены в том, что исполнение вышеназванных трех позиций данного Проекта, позволит а) уменьшить риски возникновения конфликтогенных и девиантогенных ситуаций и б) систематизировать

солидарность в работе Служб медиации и медиативных технологий на европейском и мировом уровнях.

При подготовке данного Проекта был проведен анализ теоретических и эмпирических подходов в изучении медиативного метода и его практическое использование в странах Евросоюза. В результате этого анализа были выявлены национальная специфика, проблемные особенности использования этого метода, эффективность/неэффективность профессионального подхода к применению метода медиации в социальной сфере стран ЕС. Также был использован собственный многолетний теоретический, исследовательский и практический опыт использования медиативного метода в социальной сфере, опубликованный в монографиях, учебниках и статьях. Результатом проделанной аналитической работы явилось создание и апробирование специальной медиативной технологии в сфере образования и ювенальной юстиции.

Обоснование Проекта. В современном постмодернистском мире противоречия, споры, разногласия и конфликты появляются все чаще, становятся все сложнее, а уровень их агрессивности, жестокости, деструктивности и вероятность генерализации все выше.

В последние два десятилетия потребность в методах и подходах, способных создать условия для реального урегулирования споров и разногласий, постоянно возрастает. Образовательные учреждения и организации могли бы в этом процессе занять ключевое место. На фоне непрекращающихся кофликтогенеза, девиантогенеза и криминогенеза школьная медиация становится одним из наиболее востребованных и динамично встраивающихся в общественные отношения способов разрешения острых жизненных ситуаций. Именно школа могла бы стать универсальной медиативной площадкой в научении детей и подростков эффективным стратегиям разрешения споров и конфликтов.

Кроме того, к числу факторов, повышающих актуальность создания служб школьной медиации и ювенальной девиантологии, относятся:

рост экстремистских проявлений в молодежной среде;

отсутствие или слабое развитие коллективных форм организации представителей подрастающего поколения;

увеличение разного рода зависимостей (алкогольная, наркотическая, интернет, TV, игровая, пищевая, киберкоммуникативная и др.) в подростково-молодежной среде.

Эти и многие другие причины неизбежно способствуют росту социального отчуждения, эскапизму (желанию уйти от проблем), амбивалентности чувств, социальной пассивности, конфликтам, протестам, тотальной маргинализации, а, в конечном счете, – ведут к деградации нации, поведенческим девиациям и насаждению криминальной культуры.

Поэтому чрезвычайно важным, как мне думается, является создание своеобразного социально-психологического буфера, который, безусловно,

может стать для общества «подушкой» социальной и психологической безопасности, снизить девиантогенный и криминогенный накал в обществе, минимизировать проявление многих, особенно агрессивных форм девиантного поведения молодежи, в том числе и аверсивно-деструктивных.

Следует заметить, что в России накоплен большой опыт деятельности служб примирения в сфере образования. Так, в 2009 году в России было 554 школьные службы примирения, в 2010 году – 590 школьных служб примирения, в 2011 году – 615, в 2012 году – 748 служб примирения в 15 регионах.

Оперативное внедрение служб ювенальной девиантологии и школьной медиации – важнейшей социальной инновации, востребованной жизнью – может стать одним из приоритетных и эффективных условий (факторов) в развитии современного воспитания и образования. Именно триумvirат «ювенальная девиантология – школьная медиация – ювенальная юстиция» в творческом тандеме могут стать важнейшим методом разрешения конфликтов и споров, альтернативным по отношению к привычному административно-репрессивному способу.

К сожалению, в России ювенальная девиантология и школьная медиация в образовательных учреждениях еще не стали распространенным явлением. Это обстоятельство еще более актуализирует проблему. Правда, они, все же, делают робкие шаги в этом направлении, открывая дополнительные инновационные перспективы в обогащении учебно-воспитательного процесса, повышении его эффективности.

Наш пилотный Проект решает проблему освоения специалистами (психологами, юристами, социальными работниками и др.) дополнительной профессиональной компетенции – знать и владеть медиативными методами и технологиями в социальной сфере в рамках специальной программы переподготовки, повышения квалификации и постдипломного обучения.

На региональном уровне Проект решит проблему оптимизации в университетах и колледжах системы непрерывного образования, переподготовки, повышения квалификации и постдипломного образования психологов, юристов, социальных работников по направлению «медиативные технологии в социальной сфере» и др., что придаст дополнительный импульс модернизации российского профессионального образования с ориентацией на технологизацию обучения и обеспечит вариативность, инновационность, синергичность образования и конкурентноспособность образовательных учреждений на образовательном рынке.

При необходимости Проект будет также способствовать внедрению российской Национальной структуры квалификации (НСК) в Европейскую структуру квалификации (ЕСК), вхождение национальной системы профессионального образования в международные ассоциации, Глобальную образовательную систему.

Проект решает актуальную социально-психолого-правовую проблему, ориентированную на изучение генезиса противоречий, спора и конфликтов в

социальной сфере. Он способствует также: созданию специализированных Служб медиации в сфере начального, среднего (общего и специального), высшего образования, ювенального права, в трудовых коллективах и др. организациях; широкому развитию системы непрерывной подготовки специалистов по медиативным технологиям (тренеров-медиаторов) в конкретной области знания в колледжах и университетах, повышении квалификации и послевузовского обучения (магистратура, докторантура); использованию международного и национального опыта применения медиативных технологий, создавая при этом свою уникальную систему помощи в спорах и конфликтных ситуациях, особенно в детско-подростковой и юношеской среде.

По инициативе Совета Европы Комитет министров принял рекомендации по применению медиации в ювенальной юстиции (NR (99)19 от 15/09/1999), где обосновываются положительные стороны использования медиативных технологий. Во многих странах ЕС применение медиативных технологий в ювенальной юстиции регламентированы отдельными законами на государственном уровне. Это, безусловно, способствует достижению эффекта синергизма и связей, направленных на эффективное сотрудничество, взаимодействие и кооперацию.

Реализация медиативных технологий в ювенальной юстиции зарубежных государств и России имеет общие и особенные черты. Общим является то, что технологии посредничества между жертвой и правонарушителем во многих ситуациях проводятся по мелким преступлениям и нетяжким насильственным действиям. Особенностью является национальная специфика государств, их социальная политика в области применения медиации в ювенальной юстиции, как метод восстановительного правосудия. Все это направлено на многообразие сотрудничества, согласованное поведение и взаимоподдерживающие связи и отношения между странами в различных сферах (экономической, политической, социальной, религиозной и др.), что не противоречит принципу синергизма.

В более широком социальном плане система правосудия в отношении несовершеннолетних представляет собой систему защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, объединяющую вокруг специализированного суда по делам несовершеннолетних различные ведомственные структуры в правоохранительных органах, учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в адвокатуре и правозащитных организациях. Появляется возможность совместными усилиями специалистов-профессионалов модернизировать алгоритм работы, позволяющий качественно проводить анализ проблем по усилению профилактической работы в этом направлении, что позволит уменьшить риски возникновения аналогичных ситуаций и выработать систему солидарной работы вышеуказанных структур.

Проблема. Проект решает проблему в рамках специальной программы переподготовки, повышения квалификации и постдипломного обучения специалистов (психологов, юристов, педагогов, социальных работников и др.)

освоения ими дополнительной профессиональной компетенции – знать и владеть медиативными методами и технологиями в социальной сфере.

На региональном уровне проект решит проблему оптимизации в университетах и колледжах системы непрерывного образования, переподготовки, повышения квалификации и постдипломного образования психологов, педагогов, юристов, социальных работников в сфере востребованного практикой направления обучения – медиативные технологии в социальной сфере и др.

Проект придаст новый импульс модернизации российского профессионального образования с ориентацией на технологизацию образовательного процесса путем отхода от формального образования («Education») – к обучению знаниям, навыкам, сценариям, технологиям, моделям поведения («Learning»). Это потребует прорыва в национальной образовательной политике нововведениями в учебный процесс университетов и колледжей прогрессивных и востребованных практикой направлений, таких как медиативные технологии, ювенальная девиантология, ювенальная юстиция и других для социальной сферы. Этот шаг в сторону модернизации обеспечит вариативность и инновационность российского профессионального образования и конкурентоспособность образовательных учреждений на образовательном рынке и рынке труда.

Цель Проекта – создание условий для формирования эффективной системы специально-правовой охраны детства как инструмента повышения уровня социально-экономического благополучия граждан РФ.

Задачами Проекта являются:

1. Представление мирового опыта решения современных проблем ювенальной системы на Международных научно-практических семинарах.
2. Внедрение, адаптация инструментов и лучших мировых превентивно-профилактических практик и процедур правовой защиты, нацеленных на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка.
3. Разработка рекомендаций по подготовке (переподготовке) специалистов, работающих в системе образования, внутренних дел, гражданского общества по использованию классических и альтернативных правовых институтов по делам несовершеннолетних.

Преимущество Проекта заключается в:

1. Создании в высших учебных заведениях психологического, педагогического и юридического профиля системы подготовки (переподготовки) специализированных кадров, компетентных для осуществления специальной юридической и психологической защиты несовершеннолетних.
2. Создании в высших учебных заведениях юридического профиля системы подготовки ювенальных судей, сотрудников правоохранительных органов и адвокатов специально для органов ювенальной юстиции.

3. Разработке методических материалов для ювенальной психологии, ювенальной юстиции и ювенального права.

4. Подготовке и защите диссертационных работ в системе PhD (доктор философии) по различным научным направлениям: Juvenile Justice and Law (ювенальная юстиция и право), Juvenile Education (ювенальная педагогика), Juvenile Psychology (ювенальная психология), Juvenile Deviantology (ювенальная девиантология), Juvenile criminology (ювенальная криминология) и другим наукам.

Реализация Проекта. Успешность реализации данного проекта возможна только при совместной работе с Министерством науки и высшего образования РФ, Министерством просвещения РФ, Министерством внутренних дел РФ, Федеральной Службой исполнения наказаний РФ, Уполномоченным по правам ребенка в РФ, Генеральной прокуратурой РФ, детскими Фондами, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, региональными министерствами и ведомствами и др.

Предложенный пилотный Проект «Модернизация медиативных технологий в социальной сфере и ювенальной юстиции» аналогов не имеет.

ДОВЕРИЕ И ДОГОВОРОСПОСОБНОСТЬ КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Молокостова Анна Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский институт психоанализа», Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14; molokostova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены понятия, относящие к темам доверия и договороспособности. Кратко представлена модель ценностей Р. Инглхарта, положенная в основу опроса World Values Survey. Применение данной модели к анализу современных российских организаций приводит к пониманию необходимости создания благоприятной безопасной среды, в которых доверие выступает условием и показателем договороспособности сотрудников и групп.

Ключевые слова: доверие, договороспособность, социальные риски, модель Инглхарта.

TRUST AND CONTRACTUAL CAPACITY AS INTERRELATED FACTORS OF AN ORGANIZATION'S DEVELOPMENT

Molokostova Anna Mikhailovna, candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of social psychology of a non-Governmental educational private institution of higher education Moscow Institute of psychoanalysis; Moscow, Kutuzovsky Prospekt, 34, p. 14;

Abstract. The article deals with the concepts related to the topics of trust and contractual capacity. R. Inglehart's model of values, which is the basis of the World Values Survey, is briefly presented. Applying this model to the analysis of modern Russian organizations leads to an understanding of the need to create a favorable safe environment in which trust is a condition and indicator of the contractual capacity of employees and groups.

Key words: Trust, contractual capacity, social risks, the Inglehart model.

Исследования феноменов *доверия в договороспособности*, чуждых российскому обществу, привлекает внимание исследователей в последние три десятилетия. Запрос на изменения отношения к чуждым культурам и бизнесу

исходит из практики торговых, производственных, научных и социальных связей. Современные методы анализа больших данных дополняют понимание ключевых особенностей отдельных представителей и целых сообществ из разных стран и организаций.

Самостоятельным предметом философии социальное *доверие* стало в XIX веке. Предметом философских размышлений явились проблемы коммуникации больших групп на фоне урбанизации и усложнения межгрупповых, межэтнических и межинституциональных отношений. *Доверие* - необходимое условие взаимодействия, при стремлении отдельных индивидов и групп создавать продуктивные, надежные и долговременные социальные конструкции. По мнению Ясина Е.Г. «доверие как условие взаимодействия может появиться лишь на высоком уровне развития современного общества и экономики» [9].

Макс Вебер связывает феномен доверия к социальным институтам с легитимизацией власти; автор выделяет следующие типы легитимности власти: традиционный, харизматический и рационально-правовой. В общественном сознании всегда присутствуют моральные или нравственные критерии, которые применяют и для оценки действий лиц или институтов, наделенных властью. Такими критериями становятся справедливость и порядочность. Следование этим критериям со стороны власти допускает возможность наказания и принуждения для тех, кто отступает от высших ценностей и законов. Согласно М. Веберу, без доверия легитимность власти исчезает. Также М. Вебер соотносит категорию доверия с таким понятием, как «формальная рациональность», полагая, что именно этот принцип лежит в основе развития правового решения социальных противоречий и общественно-политических задач западной цивилизации [3].

Зарубежные социальные психологи трактовали доверие и как личностную характеристику, и как элемент социального поведения, в том числе, организационной, профессионально компетентной, коммуникации (Э. Фромм, А. Маслоу, С. Московичи, К. Роджерс, В. Франкл, Дж. Роттер и др.).

Самостоятельным предметом исследований в отечественной психологии доверие стало лишь в последние десятилетия. Доверие изучали социальные психологи, в частности, М.В. Аллахвердов, Л.Я. Гозман, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, Т.П. Скрипкина и др. Их трактовка доверия как составной межличностных или межгрупповых отношений не приводила к детальному описанию этого явления, но задавала область поиска составляющих и условий доверия.

В экспериментальных исследованиях М.В. Аллахвердов показал, что отношения людей чаще всего рассматриваются в континууме «доверие – недоверие». Однако не следует выстраивать дихотомию отношений доверия и недоверия, а следует трактовать доверие как многомерное явление, отражающее единство трех факторов: *доверие к себе, доверие к миру и доверие к другим* [1].

Как считает Т.П. Скрипкина, следует говорить о «пропорции» доверия человека к миру и к себе, «подвижного равновесия» между доверием и недоверием. При этом возможны различные соотношения доверия и недоверия, а преобладание доверия к себе еще не означает отсутствия доверия к миру [6].

Купрейченко А.Б. указывает на преимущества оптимального баланса доверия и недоверия, такой баланс становится регулятором и целью отношений между людьми и группами [4]. В ее исследованиях показано, что личность категоризирует социальное окружение на основании осознаваемого доверия или недоверия, группируя окружающих по так называемым кругам психологической дистанции. Личность придерживается разной строгости нравственных и социальных норм и правил в восприятии всех социальных явлений – от совместной деятельности до рекламы.

Психологическая дистанция может быть измеряемой характеристикой, дифференцирующей отношение к своим и чужим, базирующееся на стереотипах личности или группы. Стереотипы войны обычно строятся по принципу дихотомии: «победа или смерть», «свой – чужой». В условиях конфликта легче вести пропаганду войны, чем мира, социальные риски осознаются более отчетливо, чем выгоды от сотрудничества. Мирные выходы из конфликтной ситуации, напротив, требуют сложного поиска путей согласования интересов. Переговоры требуют эмоциональных и волевых усилий, в то время как различия и несовпадение интересов не требуют произвольных действий, так психологическая дистанция становится явной и непреодолимой. Дихотомия «свой – чужой» предполагает наиболее простые решения, нацеленные на подавление врага. Социальные риски, которые присутствуют в коммуникации взаимодействии, при высоком уровне доверия между группами снижаются за счет готовности перестроить деятельность [7].

Современные методы сбора больших данных позволяют исследователям делать выводы относительно различий и особенностей представителей разных стран и сообществ. Начиная с 1981 года и до настоящего времени проводится Всемирное исследование ценностей (World Values Survey by Ronald Franklin Inglehart) в разных странах. Данный опрос обнаруживает и показатели доверия граждан разных стран [10]. *Доверие* в этом исследовании понимается как преобладающая у большинства респондентов установка полагаться на себя или координацию взаимных действий с членами своей группы. Страны, как организации, располагаются в осях континуумов «традиционные и секулярные (светские) ценности» и «ценность выживания – ценность самовыражения и прогресса». Отношения доверия обнаруживаются в опросе российских респондентов как лишь формирующееся стремление к новому и неизведанному; движение в сторону «секулярные (светские) ценности - ценность самовыражения» пока наблюдается как слабое. Люди отступают от ценностей самовыражения и прогресса под давлением политики государства или организации занимающей твердую позицию в достижении исключительно своих интересов. В то время как компании, стремящиеся участвовать в глобальном бизнесе, сознательно принимают принципы открытости и разнообразия (openness and diversity) [11].

В работе С.И. Архиреева проанализированы социологические исследования рейтинга стран на основе коэффициента доверия. Этот показатель рассчитывается по результатам опроса отдельных лиц, которые оценивают свой собственный опыт и отношение в различных ситуациях взаимодействия [2]. Для международного бизнеса возникает важный вопрос: какой из характеристик капитала пользоваться для оценки внешней среды того или иного государства. Исследование European Social Survey определяет отношения доверия как ожидание поведения окружающих в соответствии с общими нормами, утвердившимися в обществе. *Измерение в российской выборке подтверждает неготовность большинства россиян доверять другим людям*, причем исследования показывают значительное снижение показателя доверия у россиян по сравнению с респондентами других стран.

Как отмечает К.С. Тетерятников, диверсификация составов советов директоров за счет включения в них иностранных независимых директоров разных стран способствовала бы не только повышению уровня управления за счет социокультурного и национального многообразия, но и улучшению взаимного доверия между странами и бизнесами. Автор статьи поясняет, что структура ЕС претерпела длительное развитие, что стандарты взаимодействия выверены и продолжают совершенствоваться [8]. Регулирование взаимодействия организаций из разных стран задается национальными правовыми нормами, все юридические основания сотрудничества легальны и прозрачны для участников, в то же время доверие закладывать в нормы не представляется возможным, доверие может стать неформальным ресурсом компании. Тем не менее, вхождение в структуры управления, в частности, в совет директоров или иной управляющий орган, представителей иностранной компании, снижает риски непонимания и повышает доверие. Важно не столько анализировать показатели доверия, сколько задавать правила взаимодействия. Доверие не является ситуативной характеристикой, оно создается в процессе сотрудничества в безопасных, пусть и ограниченных группой и ее средой, условиях. Рациональность как сознательно принятый менеджментом принцип построения коммуникации не всегда приводит к появлению доверия в организации, однако именно взаимное доверие сторон становится наиболее значимым фактором, приводящим к успешности компании. То, что по М.Веберу, определяется как легитимность власти в организациях, относится к ответственному и ориентированному на потребности рядового сотрудника менеджменту. Рациональное отношение, основанное на гуманистическом отношении к сотруднику, создает безопасную и предсказуемую для него среду. В свою очередь, сотрудник проявляет лояльность и готовность поддерживать благоприятную среду, соглашаясь и принимая правила совместной деятельности.

В настоящее время, характеризующееся многообразными и интенсивными связями, упорядочение взаимодействия отражается в структурах и сообществах, которые создаются представителями разных стран. Так, Европейский Союз постоянно регулирует и совершенствует свое внутреннее взаимодействие. При всем различии исходных методологических позиций,

можно выделить общее, объединяющее различные подходы. На смену представлений о доверии как континууме, границы которого очерчиваются в горизонтальном отношении «доверие – недоверие», пришло понимание доверия как сложного явления, которое недостаточно рассматривать в рамках дихотомии. Отношение доверия ли недоверия может быть решающим в построении сотрудничества, особенно если они характеризуются устойчивыми стереотипными представлениями о чуждой культуре и бизнесе. Организационное взаимодействие, тем более на международном уровне, актуализирует восприятие людей другой культуры и менталитета как чужих. В организационном контексте доверие основывается на ответственном отношении к партнерам и коллегам, а также на построении неизменных и однозначных для всех уровней сотрудников норм корпоративной культуры и внешнего взаимодействия.

Тем не менее, динамика опросов показывает, что происходит медленная, но очевидная трансформация в сторону гуманизации в социальном взаимодействии, что обусловлено доступностью информации в интернете, в СМИ и на основе путешествий в другие культуры. Если выживание обеспечивается организацией (институтом), то этническое и культурное разнообразие может быть оценено положительно, и оно приводит к повышению активности, мотивирует к проявлениям социальной, поисковой и творческой активности. Такое поведение людей и организаций приводит к появлению инноваций, к эффективности и к прогрессу, и как следствие, растут субъективное благополучие и материальный достаток [5; 9].

Рост благополучия отмечается в исследовании Р. Инглхарта и его коллег. Мы настаиваем, что это вывод заслуживает внимания руководителей организаций разного уровня. Страны с высоким уровнем доверия значительно богаче и благополучнее по показателям субъективного благополучия своих граждан, чем страны с низким уровнем доверия, стремящиеся к закрытости и сохранению текущего состояния. Сотрудники, заикленные на выживании и исполнении неизменных операций, отдают ответственность как право принимать решения и контролировать деятельность организации топ-менеджменту. Если выживание затруднено, то культурное разнообразие представляется угрозой, носители других культур воспринимаются как опасные другие. Закрытость может проявляться как верность традиционным ролям и нормам, именно закрытость гарантирует соблюдение абсолютных правил с целью прогнозируемости контактов и событий. В системе, стремящейся к изолированному, но стабильному положению, не претендующей на расширение своей деятельности, сотрудники выполняют четко очерченные функции и регламенты, так их договороспособность вынужденно ограничена.

Просвещение и осведомленность позволяют изменить установки враждебности и недоверия, но это весьма продолжительный и нелинейный процесс. Социальные риски и ответственность за инициативу несет руководство, именно оно принимает решения о тактике и стратегии действий во внутреннем и внешнем пространствах. Формирование корпоративной культуры, которой чужда приверженность устаревшим моделям менеджмента,

включает активное и осознанное формирование новых установок – доверия и доброжелательности, проявляющееся в открытости и готовности к коммуникации с представителями разных культур и этносов. Понимание возможности действовать в поле моральных ценностей, стремление к победе над тревожностью и страхом, желание быть здоровым, свободным и благополучным побуждает людей допускать возможность нового типа взаимодействия и изменений в их собственной жизнедеятельности. Открытые организации используют инициативу сотрудников, давая им чувство безопасности и предоставляют право совершать пробы и ошибки. Договороспособность как характеристика людей и сообществ формируется в практике сотрудничества и в результате успешных совместных проектов.

Литература

1. Аллаhverдов М.В. ИмPLICITная теория доверия как основа принятия решения [Электронный ресурс]: / М.В. Аллаhverдов // Режим доступа: https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/allahverdov-mihail-viktorovich-implitsitnaya-18388.html
2. Архиреев С.И. Роль доверия и социального капитала для развития международного бизнеса /С.И. Архиреев // Инновационная экономика : перспективы развития и совершенствования. - №2, - 2013. - 15.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд – во «Институт психологии РАН». 2008. 564 с.
5. Пивоварова Г.В. Основные подходы и условия повышения эффективности труда топменеджеров в российских коммерческих организациях // Микроэкономика. Изд–во: Научно-исследовательский институт экономических стратегий (Москва). №1. 2015. С101-105.
6. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Издательский центр «Академия». 2000. 264 с.
7. Социальная психология: учебное пособие. А.М. Молокостова, Е.А. Трифонова, Т.В. Бендас, И.С. Якиманская. Изд. 3-е испр. и дополн. - М.: МГЭУ, 2017. – 236 с.
8. Тетерятников К.С. Европейский Союз глазами российского бизнеса// Менеджмент и бизнес администрирование. Издательство: Академия менеджмента и бизнес-администрирования (Москва). 2017. № 2. С. 49-67.
9. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. № 4. 2003. С. 4-36.
10. Sociology on the move // XVII ISA World Congress of Sociology, International Sociological Association 2010. – 623 p. Режим доступа - (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings>).

11. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения//Режим доступа -
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Цунина Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры общей и возрастной психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»; Орёл, ул.Комсомольская д.75, e-mail: we_orel@mail.ru

Аннотация. В статье представлены факторы, обуславливающие актуальность формирования профессиональной готовности педагогов-психологов к реализации восстановительных технологий в образовательной организации, а также возможности её формирования в образовательных организациях дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональная готовность, педагог – психолог, восстановительные технологии, восстановительная медиация, образовательная организация.

TO THE PROBLEM OF FORMING PROFESSIONAL READINESS OF TEACHERS-PSYCHOLOGISTS TO IMPLEMENTATION OF RESTORATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION

Tsunina Olga Valeryevna – Senior Lecturer, Department of General and Age Psychology, State educational budget higher education institution «Orel state University named after I.S. Turgenev»

Annotation. The article presents the factors that determine the relevance of the formation of professional readiness of teachers-psychologists for the implementation of rehabilitation technologies in an educational organization, as well as the possibility of its formation in educational organizations of additional professional education.

Key words: professional readiness, teacher - psychologist, restorative technologies, restorative mediation, educational organization

Актуальность проблемы формирования профессиональной готовности педагогов-психологов к реализации восстановительных технологий в образовательной организации обусловлена повышением требований к компетентности молодых специалистов, начинающих свою профессиональную деятельность в образовательных организациях любого уровня, а также

основными положениями нормативно-правовой документации, определяющей профессиональную деятельность педагога-психолога (психолога в сфере образования). Практика работы показывает, что формирование основных компонентов профессиональной готовности педагогов-психологов (психологов в сфере образования) в системе дополнительного профессионального образования к реализации восстановительных технологий определяется рядом факторов. Прежде всего, это требование регулярного прохождения повышения квалификации и прохождения аттестации педагогических работников, обозначенное в Федеральном законе №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4]. Так, в статье 48 «Обязанности и ответственность педагогических работников» в п.1.7 и 1.8. отмечается, что педагогические работники обязаны «систематически повышать свой профессиональный уровень» и «проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности в порядке, установленном законодательством об образовании». Также в п.5.2. статьи 47 ФЗ-№273 «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что педагогические работники имеют право на дополнительное профессиональное образование по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года. Таким образом, законодательно определяется необходимость, порядок и частота получения дополнительного профессионального образования педагогами-психологами образовательных организаций в Российской Федерации.

Актуальность профессиональной готовности педагога-психолога к реализации восстановительных технологий также обусловлена и требованиями профессионального стандарта *«Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»*, утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 июля 2015 г. №514н. В соответствии с ним, основным видом профессиональной деятельности педагога-психолога (психолога в сфере образования) является деятельность по психолого-педагогическому сопровождению образовательного процесса, а основной целью профессиональной деятельности – психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в образовательных организациях общего, профессионального и дополнительного образования [3]. Таким образом, знание педагогом-психологом теории и практики реализации восстановительных технологий в образовательной организации повысит эффективность реализации следующих трудовых функций:

3.1.3. *«Психологическое консультирование субъектов образовательного процесса»* (код А/03.7), выполнение которой предполагает консультирование как обучающихся, так и администрации, педагогов и других работников образовательных организаций по проблемам взаимоотношений в коллективе;

3.1.4. *«Коррекционно – развивающая работа с детьми и обучающимися, в том числе работа по восстановлению и реабилитации»* (код А/04.7), выполнение которой предполагает разработку и реализацию планов проведения коррекционно – развивающих занятий для детей и обучающихся, направленных на решение проблем в общении и поведении.

Выполнение трудовой функции *«Психологическая профилактика»*, которая определяется как профессиональная деятельность, направленная на сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся в процессе обучения и воспитания в образовательных организациях» (код А/07.7) предполагает разработку педагогом-психологом (психологом в сфере образования) психологических рекомендаций по проектированию образовательной среды, комфортной и безопасной для личностного развития обучающегося, для своевременного предупреждения нарушений в развитии и становлении личности, планирование и реализацию превентивных мероприятий по профилактике возникновения социальной дезадаптации, аддикций и девиаций поведения.

Кроме того, в должностных обязанностях педагога-психолога, отраженных в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих (Раздел *«Квалификационные характеристики должностей работников образования»*) обозначено, что «педагог-психолог осуществляет профессиональную деятельность, направленную на сохранение психического, соматического и социального благополучия обучающихся, воспитанников в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях..., осуществляет превентивные мероприятия по профилактике возникновения социальной дезадаптации..., участвует в формировании психологической культуры обучающихся, педагогических работников и родителей» [1]. В требованиях к знаниям педагога-психолога, представленных там же, обозначено, что педагог-психолог должен знать технологии диагностики причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения. Таким образом, анализ нормативно – правовой документации, регламентирующей профессиональную деятельность педагога-психолога (психолога в сфере образования) свидетельствует о том, что ***вопросы профилактики и разрешения конфликтных ситуаций в образовательной организации непосредственно находятся в содержательном профессиональном поле именно данного специалиста.*** Однако педагог-психолог вправе самостоятельно выбирать технологии разрешения конфликтных ситуаций между всеми участниками образовательной деятельности и образовательных отношений.

Особую актуальность проблема готовности педагогов и педагогов-психологов образовательных организаций к реализации восстановительных технологий приобрела в 2013 году, когда все образовательные организации города Орла и Орловской области получили письмо Минобрнауки России от 8 ноября 2011 года № ВК-844/07 *«О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации»* вместе с *«Рекомендациями по организации служб школьной медиации в образовательных организациях»*. О возможностях и необходимости использования восстановительных технологий в воспитательной деятельности образовательных организаций говорится в Методических рекомендациях по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций, направленных

Министерством образования и науки Российской Федерации 26 декабря 2017 года органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление. В данных рекомендациях цель внедрения восстановительных технологий в воспитательную деятельность образовательных организаций заключается в формировании у подрастающего поколения навыков конструктивного поведения в конфликте как способа профилактики девиантного поведения подростков, а также в формировании коммуникативной компетентности детей, педагогов и родителей. В качестве основных восстановительных технологий, рекомендуемых для внедрения в деятельность образовательной организации, заявлены восстановительная медиация, круги примирения и восстановительные конференции.

Практика подготовки будущих педагогов-психологов в университете показывает, что специализированный курс «Психология конфликта» представлен чаще всего только в учебном плане по направлению подготовки 37.03.01 Психология (общий профиль). В рамках данной учебной дисциплины бакалавры изучают общую теорию конфликта, особенности разных видов конфликтов, конфликтологическую и психологическую практики разрешения конфликтов, а также социально – психологические аспекты конфликтных ситуаций в разных сферах жизнедеятельности. Изучая этот курс, студенты знакомятся с медиацией при изучении конфликтологической практики разрешения конфликтов, получают теоретические знания о сущности и принципах осуществления медиации, однако практической отработки навыков медиативной деятельности программой учебного курса не предусмотрено, что негативно отражается на эффективности их профессиональной деятельности в направлении разрешения конфликтных ситуаций в образовательной организации. Данная проблема успешно решается через реализацию программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации), направленных на формирование основных компонентов профессиональной готовности педагогов-психологов к реализации восстановительных технологий в образовательной организации. В условиях повышения квалификации формирование профессиональной готовности педагогов-психологов к реализации восстановительных технологий представляется как комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, что отражается в овладении педагогом-психологом спецификой реализации восстановительных технологий с учётом его субъективного опыта и профессиональном саморазвитии и самосовершенствовании. Рассматривая профессиональную готовность педагога-психолога как сложное целостное личностное образование, в состав которого включаются морально – волевые качества личности, социально – значимые мотивы, практические умения и навыки, знания о профессии, общетрудовые умения и навыки, а также психологические функции и способности, которые необходимы ему для выполнения трудовой деятельности [2], мы актуализируем проблему неравномерности в формировании основных компонентов профессиональной готовности педагогов-психологов к реализации восстановительных технологий, что ограничивает их использование в профессиональной деятельности. Чаще всего педагоги-психологи образовательных организаций демонстрируют высокий

уровень сформированности когнитивного компонента профессиональной готовности, они владеют теоретическими понятиями, отражающими восстановительный подход, знают основные восстановительные технологии, которые можно использовать в практике работы и формы их реализации. Однако низкий уровень сформированности мотивационного и операционального компонентов профессиональной готовности ограничивают применение данного знания [5]. Кроме того, педагоги-психологи отмечают проблему наличия психологического сопротивления некоторых участников образовательных отношений к введению и реализации восстановительных технологий в образовательной организации. В то же время, интегративный характер готовности к профессиональной деятельности, проявляющийся в упорядоченности её внутренних структур, согласованности основных компонентов личности педагога-психолога, в устойчивости, стабильности и преемственности их функционирования, являются её основной особенностью. Именно поэтому при реализации программ повышения квалификации, реализуемых в образовательных организациях дополнительного профессионального образования, направленных на формирование профессиональных компетенций педагогов-психологов, необходимых для реализации восстановительных технологий, важно формировать основные компоненты профессиональной готовности в их единстве, так как недостаточная сформированность какого-либо компонента, значительно снижает вероятность применения педагогом-психологом восстановительных технологий при разрешении конфликтных ситуаций в образовательной организации.

Литература

1. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих/Электронный доступ: <https://classdoc.ru/eksd/> (ссылка активна на 23.10.2019 г.)
2. Ильин С.С. Психологическая готовность к управленческим профессиям и её диагностика // Прикладная психология. – 1999. - №4. – С.1-11
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 июля 2015 г. N 514н "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог-психолог (психолог в сфере образования)"/ Электронный доступ: <https://base.garant.ru/71166760/> (ссылка активна на 23.10.2019 г.)
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – Москва: Проспект, 2017. – 160 с.
5. Цунина О.В. Служба примирения в образовательном учреждении: опыт и технологии: учебно – методическое пособие/О.В. Цунина – Орёл: Бюджетное образовательное учреждение Орловской области дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов «Орловский институт усовершенствования учителей», 2015. – 56 С.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Шульга Оксана Константиновна – медиатор, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой клинической и консультативной психологии БГПУ им. М.Танка, Республика Беларусь, Минск, oksana-shulga74@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы формирования конфликтологической компетентности участников образовательных отношений, приведены данные исследований, рассмотрены варианты взаимодействий субъектов образовательного пространства.

Ключевые слова: школьная служба разрешения конфликтов, конфликтологическая компетентность, буллинг.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE FRAMEWORK OF SCHOOL CONFLICT RESOLUTION SERVICES

Oksana Konstantinovna Shulga – mediator, candidate of psychological Sciences, associate Professor, head.Department of clinical and Advisory psychology of BSPU. M. Tanka, Republic Of Belarus, Minsk

Annotation. The article considers the factors of formation of conflictological competence of participants in educational relations, presents research data, and considers options for interaction between subjects of the educational space.

Key words: school conflict resolution service, conflictological competence, bullying.

То, что идет от сердца, до сердца и доходит.

Пайэтт

В условиях современной модернизации образования основной акцент ставится на развитие у учащегося, как субъекта учебного взаимодействия, инициативности, самостоятельности, ответственности, способности вступать в диалог с другим человеком, конструктивно разрешать конфликтные ситуации. Разработанная в рамках экспериментального проекта технология формирования конфликтологической компетентности деятельности школьных служб медиации

и разрешения конфликтов, основанных на реализации принципов добровольности, равноправия, сотрудничества, беспристрастности, конструктивного общения, способствует формированию психологической безопасности образовательной среды, снижению и профилактике школьного буллинга, созданию системы обеспечения прав и защиты интересов учащихся, педагогов, родителей. Под психологической безопасностью понимается состояние образовательной среды, свободной от насилия, неконструктивной критики, агрессивности, подозрительности во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в доверительном общении и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников [1].

Основная идея экспериментального проекта заключается в создании в учреждениях общего среднего образования организационно-методических и психолого-педагогических условий для развития практики мирного разрешения конфликтов, конструктивного поведения в спорных ситуациях, формирования культуры ненасилия и способности к взаимопониманию и примирению участников школьного сообщества (педагогов, учащихся, родителей, администрации), закрепления медиации как культурной традиции в белорусском обществе.

Разрешение конфликтов в учреждениях общего среднего образования на основе медиации можно рассматривать как совместную деятельность его участников, направленную на прекращение противодействия и решение проблемы, которая привела к столкновению. Разрешение конфликта предполагает активность обеих сторон по преобразованию условий, в которых они находятся во взаимных отношениях в общем образовательном процессе [2].

В рамках работы по экспериментальному проекту с сентября 2017 года по январь 2018 года реализовывался подготовительный этап, с января 2018 года работа практического этапа, а с января 2019 года начат рефлексивно-обобщающий этап экспериментальной деятельности. На первом этапе экспериментальной деятельности определялись содержание, структура и критерии конфликтологической компетентности учащихся, учителей, родителей, администрации. Апробировался диагностический инструментарий выявления (методики тестирования, анкетирования, проективные методики, протоколы наблюдения) уровня развития конфликтологической компетентности субъектов образовательных отношений. Проводилась первичная диагностика индивидуально-личностных особенностей учащихся, педагогов, родителей, определяющих успешность в конфликтном поведении. Проводилась диагностика психологической безопасности школьной среды. Апробировалась программа обучения и тренингов по формированию конфликтологической компетентности. На первом году реализации экспериментального проекта в соответствии с календарно-тематическим планом в учреждениях образования были выявлены условия и разработаны концептуальные представления о системе формирования психологической безопасности образовательной среды, снижения и профилактики школьного буллинга, создания системы обеспечения прав и защиты интересов учащихся, педагогов, родителей. Разработаны функциональные обязанности участников экспериментальной деятельности.

Порядок организации и осуществления работы по реализации экспериментального проекта в учреждениях образования были утверждены приказами директоров учреждений образования, в котором зафиксирована структурно-функциональная и содержательная модель экспериментальной деятельности в, научно-методическое и психолого-педагогическое сопровождение.

По результатам диагностики предрасположенности учащихся к конфликтному поведению (Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К.Томаса в адаптации Н.В. Гришиной), проведенной в ноябре-декабре 2017 года, выявлено, что большинство респондентов (28,3% опрошенных учащихся VIII-X классов) склонны к компромиссу; 23,1% - к избеганию конфликтов; 16,2% респондентов прибегают в конфликтной ситуации к приспособлению; 20,3 % учащихся стараются сотрудничать; 12,1% - склонны к соперничеству.

Исследование типов поведения учащихся в конфликте в ноябре-декабре 2018 года показало, что на 23,5% возросло количество учащихся, склонных к сотрудничеству, что составило 43,8%. Также учащиеся стали чаще прибегать к такой стратегии, как компромисс (в сравнении с предыдущим годом увеличилось на 4,3% и составило 32,6%. Учащихся, склонных к избеганию конфликтов стало 11,6%, к приспособлению и соперничеству по 6%. Результаты исследования представлены в таблице 11.

Следует отметить, что учащиеся учреждений образования, участники экспериментальной деятельности, стали больше демонстрировать такие конструктивные типы поведения в конфликте, как сотрудничество и компромисс. Результаты диагностики свидетельствуют о том, что учащиеся активно участвуют в поиске решения, удовлетворяющего всех участников взаимодействия, не забывая при этом и свои интересы, или направляют свои действия на поиски решения за счет взаимных уступок. В разрешении конфликтов учащиеся демонстрируют использование позитивных тактик (навыки слушания, подчёркивания значимости партнёра, его мнения и интересов, а также подчёркивания общности с партнёром).

Таблица 1 – Результаты исходного и итогового тестирования типа поведения учащихся в конфликте

Стиль поведения	Показатели исходного тестирования (%)	Показатели итогового тестирования (%)
Соперничество	12,1	6
Сотрудничество	20,3	43,8
Компромисс	28,3	32,6
Избегание	23,1	11,6
Приспособление	16,2	6

Эффективность технологии формирования конфликтологической компетентности в рамках деятельности школьных служб медиации оценивалась также с помощью методики «Психологическая безопасность образовательной среды школы (И.В. Баевой)» для учащихся, педагогов и родителей.

Анализ результатов исследования показал, что для большинства педагогов характерно позитивное отношение к школе (87%) и соответственно высокий уровень отношения к образовательной среде школы. При анализе результатов методики для учащихся получены следующие результаты: 81% учащихся позитивно относятся к образовательной среде школы и 17% – нейтрально. Для родителей также характерно доминирование позитивного отношения к образовательной среде школы (82% родителей); 12% демонстрировали нейтральное отношение и 6% негативное (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели уровня отношения к образовательной среде у субъектов образовательных отношений

Субъекты образовательных отношений	Отношение к образовательной среде (%)		
	Положительное	Нейтральное	Негативное
Учащиеся	81	17	2
Педагоги	87	10	3
Родители	82	12	6

Были также проанализированы показатели уровня удовлетворенности психологической безопасностью образовательной среды на исходном и итоговом этапах реализации экспериментальной деятельности. Средний балл по 5-балльной шкале в группе опрашиваемых учащихся составил - 4,3 балла, в группе учителей - 4,4 балла, в группе родителей - 4,1 балла. Сравнение показателей исходного и итогового этапов исследований показывают положительную динамику, что говорит о повышении уровня удовлетворенности образовательной средой у всех субъектов образовательных отношений (Таблица 3).

Таблица 3 – Сравнение средних баллов оценки уровня удовлетворенности образовательной средой

Субъекты образовательных отношений	Исходные показатели (из 5) $X \pm m$	Итоговая диагностика (из 5) $X \pm m$	Достоверность p
Учащиеся	3,7±0,19	4,3±0,13	0,05
Педагоги	3,8±0,34	4,4±0,32	0,05
Родители	3,3±0,56	4,1±0,44	0,05

Положительное отношение к образовательной среде школы говорит о том, что субъекты образовательных отношений удовлетворены общением и взаимодействием; чувствуют защищенность от агрессии, оскорбления, унижения, высмеивания, игнорирования, неуважительного отношения; ориентированы на конструктивное разрешение конфликтов.

Результаты исследования позволили выявить психолого-педагогические условия создания школьных служб медиации, которыми являются: 1) организация деятельности Школьной службы медиации и разрешения конфликтов, которая работает со всеми видами школьных конфликтов, а также со спорами, связанными с нарушениями дисциплины и правонарушениями со стороны учащихся на основе принципов медиативного и восстановительного подхода; 2) разработка Положения о школьной службе медиации; 3) разработка структуры школьной службы медиации и назначение кураторов; 4) разработка схемы реагирования на конфликтные случаи и поступления сведений в школьную службу медиации; 5) обучение медиаторов-посредников из числа учащихся, педагогов, родителей.

Разрешение и управление конфликтами в сфере медиации предполагает формирование у участников образовательных отношений репродуктивных и продуктивных действий общения и взаимодействия, контроля и самоконтроля, рефлексии и самооценки, а именно умений распознавать и интерпретировать причины и источники конфликтов; вести межличностный диалог; осуществлять посредничество в контактах; анализировать и разрешать различного рода споры; оперировать знаниями, установками и навыками в условиях коммуникации и взаимодействия в реальном времени.

Важным психолого-педагогическим условием является развитие коммуникативных навыков и коммуникативной компетентности участников образовательных отношений. Значимость компетентности в общении осознается по мере того, как участники видят его важность в достижении успешного взаимодействия. Коммуникативные навыки – это совокупность способов выражения своих мыслей, чувств, идей, способов воздействия на собеседников, используемых в процессе общения. На практике это означает, что субъект коммуникации должен уметь эффективно выстраивать свою коммуникативную стратегию, пользоваться разнообразными тактическими приемами и техниками коммуникации, представлять себя как участника коммуникационного процесса [3].

Управление конфликтными ситуациями, применение стратегии сотрудничества предполагает обучение навыкам избегания деструктивных (игнорирование, принижение личности партнёра, эгоцентризма) и использования позитивных тактик (научиться слушать и слышать партнёра, подчёркивать значимость партнёра, его мнение, а также подчёркивать свою общность с партнёром). Способность осуществлять посредничество можно рассматривать как условия эффективного межличностного общения и части общей модели управления конфликтами.

Результаты экспериментальной деятельности показали, что в ходе реализации

экспериментальной программы происходит формирование всех компонентов конфликтологической компетентности участников образовательных отношений. Результаты диагностики демонстрируют, что положительная, значимая на статистически достоверном уровне, динамика уровня развития когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов отмечается у всех субъектов образовательных отношений. Участники экспериментальной деятельности сформировали знания о причинах и функциях конфликтов, умения и навыки продуктивного разрешения конфликтов способом сотрудничества на основе медиативного подхода, стремления к диалогу, толерантности и открытости. В процессе овладения эффективными коммуникативными техниками сформировался новый стиль поведения в конфликтных ситуациях, который позволяет более целесообразным и безопасным для себя и окружающих способом разрешать споры.

Литература

1. Шамликашвили, Ц.А. Метод «школьная медиация» как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы / Ц.А. Шамликашвили, М.А. Хазанова // Психологическая наука и образование. – 2014. – № 2. – С. 26-32.

2. Коновалов, А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / А.Ю. Коновалов; под общей редакцией Л.М. Карнозовой– М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – 256 с.

3. Оборотова, С.А. Обучение медиации как технологии взаимодействия педагога с участниками образовательного процесса / С.А. Оборотова // Педагогические науки. – 2013. – № 2. – С. 12-13.

РАЗДЕЛ 2. ПРАКТИКА ИНТЕГРАЦИИ МЕДИАЦИИ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА

УДК 001.891.32

ЗАМЕТКИ О ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Максудов Рустем Рамзиевич - председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, президент Центра «Судебно-правовая реформа», Москва.

E-mail: makcrane@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика восстановительной медиации в работе с разного рода конфликтами, ее отличие в концептуальном смысле от практик классической медиации (медиации, как разрешения споров).

Ключевые слова: восстановительная медиация, инженерия, деперсонализация, сегментация, личностно-ориентированный диалог.

NOTES ON RESTORATION MEDIA AS SOCIAL ENGINEERING

Maksudov Rustem Ramzievich – Chairman of the All-Russian Association for Restorative Mediation, President of the Center for Judicial and Legal Reform, Moscow.

Absrtact. This article discusses the specifics of restorative mediation in dealing with various kinds of conflicts, its difference in the conceptual sense from the practices of classical mediation (mediation, as a dispute resolution).

Key words: restorative mediation, engineering, depersonalization, segmentation, personality-oriented dialogue.

*Будь, как огонь, горяч, будь, как вода, прозрачен,
Не становись, как пыль, покорен всем ветрам.*
Омар Хайям

Данные заметки - итог пятилетних размышлений в области проблем методического описания практики восстановительной медиации. Не ограничиваясь работой с криминальными ситуациями, практика восстановительной медиации расширила свои границы. Специалисты в области восстановительного правосудия работают также с соседскими спорами, групповыми и семейными конфликтами. Здесь важно ответить на вопрос, в чем же специфика восстановительной медиации в работе с такого рода конфликтами, что отличает ее в концептуальном смысле от практик классической медиации (медиации, как разрешения споров).

Для меня также важно определение восстановительной медиации как предмета исследования. Чем является восстановительная медиация как определенная отрасль деятельности, и в каком направлении может вестись исследование этой деятельности? Ответам на эти вопросы и посвящены эти заметки.

Сегодня мы имеем дело с феноменами социальной инженерии, существующими в мире в форме социальных движений [1]. Социальная инженерия в первую очередь характеризуется тем, что является связью искусственных и естественных процессов [2]. В рамках искусственного обычно фигурируют идеалы, проекты, ценности, являющиеся источником инновационных проектов и программ. «Естественным» являются препятствия и трансформация, что меняет первоначально заданные идеалы в процессе их институционализации. Реализуясь и постепенно институционализируясь, новая практика может становиться предметом анализа и исследований. Методологически осмысленно здесь использовать понятие «оестествление», когда то, что прежде существовало в рамках проектов и программ, становится «естественным» или функционирующим и воспроизводимым. Для специфики инженерного подхода как деятельности, на мой взгляд, необходимо определить следующие понятия:

- о социокультурном разрыве в обществе, задающем идеалы для проектирования инновационной деятельности;
- о способах преодоления данного разрыва в рамках деятельности медиатора;
- о деятельности, обеспечивающей институционализацию в рамках организационного управления.

Понятия второго и третьего уровня, задают основу для конструирования прикладных предметов исследования.

В данных заметках рассматриваются понятия второго уровня. Но сами по себе выделенные и даже описанные процессы деятельности медиатора не могут претендовать на целостность инженерного предмета. Данные исследования должны быть соорганизованы в комплексном знании с описанием, задающем ту или иную форму организации, в которой действуют ведущие восстановительных программ. Форма организации показывает влияние управленческих способов работы и технологий и тем самым задает специфику работы ведущих в той или иной сфере или территории. В связи с этим важно рассмотреть управленческие способы, обеспечивающие институционализацию практики восстановительной медиации, но это не является предметом размышлений в данной статье.

Восстановительная медиация своим источником имеет концепцию восстановительного правосудия. Восстановительное правосудие – подход к реагированию на криминальные ситуации. Данное реагирование предполагает, прежде всего, рассмотрение возможностей заглаживания вреда, наступившего в ходе криминальной ситуации. Это заглаживание может быть в форме

извинений, возмещения материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, налаживания взаимопонимания и восстановления отношений сторон, содействия реабилитации и ресоциализации правонарушителя и исцелению жертв правонарушения, а также осознание и искупление вины самим правонарушителем. С 1997 г. в России реализуется практика восстановительного правосудия в форме проведения программ примирения потерпевшего и обвиняемого (подсудимого). Сейчас программы примирения стали проводиться для разрешения семейных и школьных конфликтов, что требует разработки новых методик. Данные методики должны опираться на соответствующие понятия, в рамках которых могут разворачиваться технологии проведения восстановительных программ.

Одно из самых важных понятий, которое было разработано для восстановительной медиации благодаря Нильсу Кристи – это понятие «деперсонализация социальной жизни». Нильс Кристи раскрывает изменения в социальной жизни, ведущие к деперсонализации:

«...Я имею в виду два типа сегментации, отчетливо видимых в высокоразвитых промышленных обществах. Первый – это сегментация в пространстве. Мы функционируем каждый день, мигрируя между группами людей, не нуждающихся ни в какой связи между собой, кроме как через того, кто между ними перемещается. Так что, мы часто знаем своих сотрудников только как сотрудников, соседей только как соседей, членов лыжной команды только как членов лыжной команды. Мы знаем их только в определенных ролях, а не как личности в целом. Эта ситуация усугубляется еще и высокой степенью разделения труда, принятого нами... Второй тип сегментации имеет отношение к тому, что я люблю называть нашим восстановлением кастового общества. Я не говорю "классового общества", хотя есть четкие тенденции движения в этом направлении. Однако, в данном случае, элементы касты я считаю более важными. Я имею виду сегментацию, основанную на биологических признаках, таких как пол, цвет кожи, физические увечья или количество зим, минувших со дня рождения... Сегментация в соответствии с пространством и кастовыми признаками имеет несколько последствий. Первое и самое главное - она ведет к деперсонализации социальной жизни. Люди в меньшей степени связаны между собой в замкнутых социальных структурах, где они имеют дело со всеми значимыми ролями других значимых людей. Это создает ситуацию, когда количество информации друг о друге ограничено. Мы действительно знаем меньше о других людях и обладаем ограниченными возможностями, как для понимания, так и для предсказания их поведения. Если возникает конфликт, мы в меньшей степени способны справиться с ним. Не только профессионалы способны и готовы отобрать конфликты, мы сами готовы их отдать» [3].

Это значит, что мы имеем дело с мощными дефицитами в социальном взаимодействии. Важнейшим дефицитом в условиях деперсонализации взаимодействий является обезличенность человеческих контактов (деперсонализация) и восприятие людей при взаимодействии в очень

ограниченном формате представлений друг о друге. В этих условиях возникает второй дефицит - отсутствие установки на диалог и налаживание взаимопонимания. Третий дефицит - отсутствие пространств, организованных в направлении конструктивных диалогов. Все это способствует формированию образа врага при столкновении позиций, точек зрения, ценностей.

В работе с конфликтами и криминальными ситуациями специалистам часто приходится иметь дело с крайней степенью ожесточенности и враждебности сторон, возникающей, в том числе, как ответ на дефицит знания о человеке. Важную роль в этом также играют и привычные формы коммуникации, транслируемые средствами массовой информации, с постоянным конструированием разного рода «врагов».

Восстановительная медиация опирается на понятие «разрыв и восстановление взаимопонимания», т.к. люди в конфликте или криминальной ситуации, захваченные образом врага, теряют способность к диалогу и пытаются воздействовать друг на друга, исходя из своих целей, репрессивно-наказывающими методами.

Здесь важно отметить, что потеря способности к диалогу случается и при отсутствии конфликта, когда мы захвачены энергией действия и перестаем понимать других людей. Это бывает оправдано, когда необходимо остановить деструктивное или опасное действие человека. Но часто нас подстерегает инерциальная ловушка действия. Постоянная ориентация на действие заставляет нас использовать неадекватные меняющимся ситуациям мыслительные средства и понятия. Например, когда другие люди не могут или не хотят понять наши важные ценностные и смысловые горизонты. И здесь именно оппоненты дают нам возможность остановиться, выйти в рефлексию и, перестроив понятия, адекватно действовать.

Базовой гуманитарной рамкой для проведения восстановительной медиации является личностно ориентированный диалог, помогающий преодолеть деперсонализацию.

В восстановительной медиации понятие «личностно ориентированный диалог» имеет свою специфику, исходящую из конфликтной или криминальной ситуации. Можно выделить следующие характеристики социокультурных условий необходимости данного диалога:

1. Дефицит человеческого существования и вызываемые этим страдания состоит в разрастании деперсонализированных контактов. В деперсонализированном мире люди теряют способность делиться своими чувствами и переживаниями, а эта способность жизненно необходима, так как составляет важнейший ресурс сохранения личности и развития (сохранения) других способностей.

2. Конфликты или криминальные ситуации в деперсонализированном мире способствуют дальнейшему разобщению людей, если не трансформируются в личностно-ориентированные диалоги, где люди обретают полноту человеческого существования.

3. Способность к диалогам, необходимым для цивилизованных и развивающих способов взаимодействия, не передаются системой образования. Отсюда возникает необходимость в специалистах, организующих такого рода диалоги.

В восстановительной медиации с помощью ведущего (медиатора) организуется диалог, который дает возможность каждому осуществить осознанный выход из своих состояний, восстановить свою способность к пониманию других людей, а также совершить действия, способствующие заглаживанию вреда или восстановлению отношений с людьми и взаимному благополучию.

Диалог сторон с взаимным самораскрытием является мощным ресурсом преобразования человека и восстановления способности к пониманию. Назовем такой диалог освобождающим, поскольку в нем происходит освобождение человека от угнетающих его сознание состояний. Подготовить людей к такому диалогу и управлять им – ядро всей работы ведущего в программах восстановительной медиации.

Таким образом, можно выделить коммуникативный материал и структуру деятельности в восстановительной медиации. Коммуникативным материалом для восстановительной медиации является не сама по себе конфликтная или криминальная ситуация, а степень осознания ее участниками разрушительных последствий данной ситуации и их способность обсуждать и исправлять сложившееся положение дел с другими людьми. Неспособность осознавать разрушительные последствия действий в ситуации для себя и других, застревание в них, может порождать эскалацию дальнейших разрушительных действий. Осознание последствий – процесс, который часто требует кропотливой работы ведущего.

Поддержка людей в осознании ими последствий конфликта или криминальной ситуации является первым процессом в восстановительной медиации [4]. Применяемые техники активного слушания при обсуждении последствий и возможных выходов из конфликтной или криминальной ситуации обеспечивают переход ко второму процессу – обсуждению вопросов, актуальных для конструктивного и исцеляющего урегулирования.

Вторым процессом, который важно запустить медиатору в программах восстановительной медиации, - задание социокультурной полноты осознания. То есть, в этом процессе происходит сопоставление возможных вариантов выхода из конфликтной или криминальной ситуации с ценностями, важными для сохранения и восстановления связей в сообществе. И здесь понятия «потребности» и «интересы» фактически являются проводниками социокультурных ценностей. Если люди демонстрируют разрушительные основания своих действий, как например, желание и, тем самым, «потребность» отомстить, мы можем искать за этой потребностью «подлинную» потребность (например, потребность в восстановлении справедливости), что является, на мой взгляд, социокультурным нормативным образованием, проинтерпретированным в рамках внутренних состояний или нужды индивида.

За «потребностью» наказать, может стоять «потребность» в уважении и признании, за «потребностью» использовать ребенка как разменную монету в разрешении конфликта с бывшим супругом - «потребность» в совместном воспитании ребенка и т.д.

В некоторых случаях ведущему восстановительных программ необходимо предъявить собственные ценности, чтобы обеспечить переход коммуникации на новый уровень. Но если собственных ценностей нет и нечего предъявить, или когда ведущий боится из-за предъявления ценностей вступить в конфликт со сторонами, то перехода на новый уровень не происходит. Из-за предъявления ценностей действительно может возникнуть конфликтная ситуация. И здесь помогает отказ от «наступательно-пристыжающего» морализаторства в пользу уважительного предъявления ценностей с помощью «я-сообщения».

Третий процесс содержит формулирование и обсуждение вопросов, актуальных для исцеляющего и конструктивного урегулирования. Сформулировать эти вопросы – одна из самых важных и трудоемких задач. Фактически всю восстановительную медиацию можно воспринимать как создание условий, при которых ведущий трансформирует категоричные и ультимативные требования сторон в пункты повестки дня на основе общих для участников ценностей. Этот процесс начинается на индивидуальных встречах и продолжается на общей встрече сторон.

Четвертый процесс, начавшись на индивидуальных встречах, происходит на общей встрече сторон. Этот процесс можно характеризовать как поддержку лично-ориентированного диалога. Ведущий работает с сильными эмоциями (через отражение, переформулирование, резюмирование всего того, что выразила каждая сторона). Самое важное в искусстве ведущего на общей встрече сторон – быть организатором процесса взаимопонимания через самораскрытие участников, то есть, постоянно отслеживать и доносить до одной стороны то, что выразила другая сторона. Таким образом, ведущий способствует осуществлению перехода от деперсонализированных форм коммуникации и действий к персонализированным. Ведущий также помогает сторонам отказаться от полярных представлений друг о друге и увидеть полноту переживаний каждого участника. На общей встрече участники начинают понимать страдания, нужды и ценности людей, которых они считали врагами.

Детализация и развитие представлений о данных процессах, механизмах их запуска и результатах может являться предметной основой для постановки задач на разработку новых методик и исследование особенностей практики восстановительной медиации в работе с разного рода конфликтами. В тоже время, практика работы с криминальными ситуациями также может дополняться и обогащаться на основе этих понятий и методик.

Литература

1. Ален Турен. «Возвращение человека действующего. Очерк социологии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://socioline.ru/files/5/39/alain_touraine.pdf.
2. О категориях искусственное и естественное см.: Г.П. Щедровицкий "Естественное» и «искусственное" в социотехнических системах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fondgp.ru/old/lib/chteniya/xv/text/8.html>.
3. [Нильс Кристи. Конфликты как собственность](#) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sprc.ru/?p=1323>

Я выражаю благодарность сообществу кураторов школьных служб примирения и особенно команде КСЦО «Доверие» г. Казани за возможность сформулировать идеи по процессам восстановительной медиации на семинаре в Казани 23-24 апреля 2019 г.

ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Дрянных Ольга Валерьевна – Исполнительный директор Красноярской региональной общественной организации Центр медиации «Территория согласия», г. Красноярск.

E-mail: ms.dryannykh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу практики внедрения восстановительной медиации на территории Красноярского края, обобщению ее количественных и качественных результатов. Приводятся актуальные данные о деятельности служб школьной медиации на сегодняшний день.

Ключевые слова: медиация, школьные службы примирения, образовательные организации, восстановительные программы, взаимодействие.

THE EXPERIENCE OF INTEGRATION OF RESTORATIVE MEDIATION IN THE ACTIVITIES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE KRASNOYARSK TERRITORY

Olga Valeryevna Dryannykh – Executive Director of the Krasnoyarsk regional public organization mediation Center "Territory of consent", Krasnoyarsk.

Abstract. The Article is devoted to the analysis of the practice of implementation of restorative mediation in the Krasnoyarsk territory, generalization of its quantitative and qualitative results. The current data on the activities of school mediation services to date are presented.

Key words: mediation, school service of reconciliation, educational institutions, rehabilitation programs, and interaction.

Красноярское образование является одним из лидеров движения школьной медиации в России: уже в 1998 году на базе гимназии №1 «Универс» (г. Красноярск) была создана первая региональная общественная организация школьников-медиаторов «Мир без конфронтации». С 2010 года службы медиации начали создаваться в системе общего образования, ювенальных молодежных центрах. Активному созданию школьных служб на тот момент способствовали семинары и конференции с участием московских и местных специалистов-практиков, разработка методических документов, формирование профессионального сообщества, работа пилотных площадок, серия просветительских мероприятий для участников образовательного процесса и

работа клуба медиаторов-школьников. Важно отметить, что с самого начала для поддержки процесса внедрения служб школьной медиации стала складываться межведомственная команда, что позволило объединить ресурсы и поддержать процесс создания таких служб в образовательных организациях.

Законодательной основой для деятельности школьных служб медиации в Российской Федерации служит «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации», утвержденная распоряжением правительства Российской Федерации №1430-р от 30 июля 2014 г [7]. Министерством образования и науки РФ направлены в образовательные организации Методические рекомендации по созданию служб школьной медиации [4], они описывают основные цели и задачи службы школьной медиации, принципы и особенности деятельности службы – это помогает образовательным организациям грамотно подойти к созданию данной структуры в своей школе.

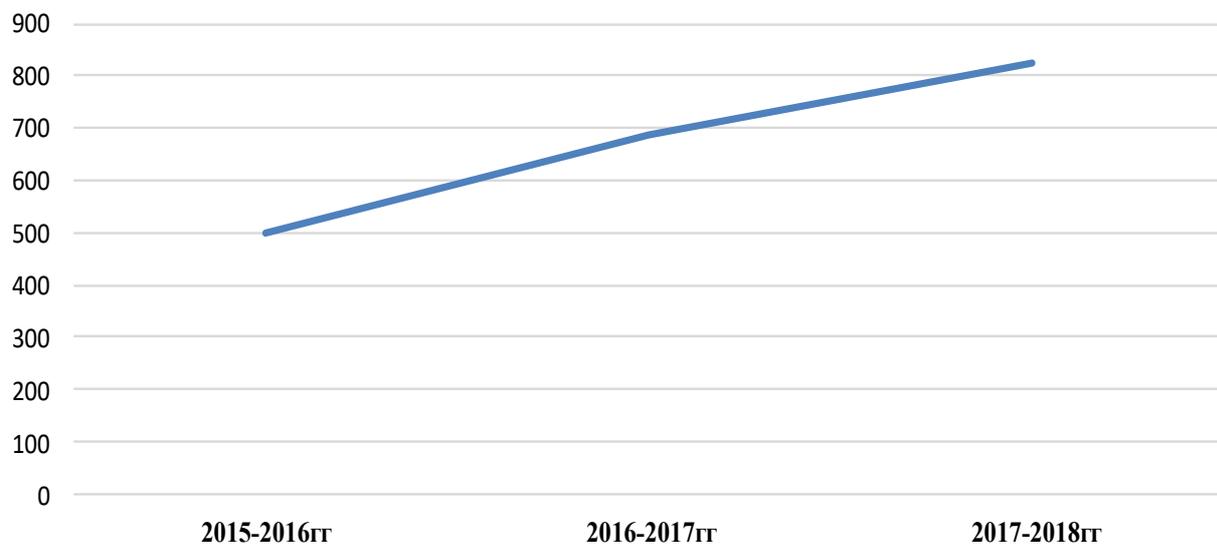
Помимо этого, в Красноярском крае на сегодняшний день действуют два нормативных документа, принятых на региональном уровне, на основании которых во всех без исключения образовательных организациях должны быть созданы службы медиации. Первый – это Распоряжение губернатора Красноярского края № 571-рг от 28.10.2016г «О мерах, направленных на повышение эффективности профилактики правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних на территории Красноярского края» [6]. В нем среди перечня всех мер указывается необходимость «организовать в 2016–2017 учебном году работу по созданию в краевых государственных образовательных организациях служб медиации, обеспечив их методическое сопровождение» [6].

Второй документ – Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края №167-кдн от 01.11.2016г «О неотложных мерах по профилактике общественно опасных деяний несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности» [5]. Согласно данному документу, необходимо «обеспечить в 2016/2017 учебном году создание школьных служб примирения во всех образовательных организациях края и проведение мониторинга эффективности их деятельности» [5].

С момента вступления в силу вышеуказанных документов, интеграция восстановительной медиации в образовательную среду на территории Красноярского края приобрела массовый характер. Так, в 2015/16 учебном году в общеобразовательных организациях Красноярского края действовали 498 служб школьной медиации, в 2016/17 учебном году – 685, в 2017/2018 учебном году – 827 (из них: 692 – в муниципальных общеобразовательных школах, 33 – в краевых общеобразовательных школах, 38 – в профессиональных образовательных организациях, 33 – в детских домах, 34 – в детских садах, 3 – в учреждениях дополнительного образования, 2 – в центрах психолого-медико-педагогического сопровождения).

(Справочная информация: всего в Красноярском крае 1096 функционирующих общеобразовательных школ, 161 из них – в г. Красноярске).

Количество служб медиации/ примирения в Красноярском крае

В системе образования в Красноярском крае проводятся курсы повышения квалификации по специально разработанным образовательным программам в объеме 72 часов для педагогов, организующих деятельность служб школьной медиации. Так, например, в рамках государственного задания Краевым государственным автономным образовательным учреждением дополнительного профессионального образования «Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования» разработана программа профессиональной подготовки «Формирование и развитие конфликтной компетентности участников образовательных отношений. Школьная медиация».

Кроме государственных учреждений, реализацию образовательных программ по подготовке кураторов служб осуществляют некоммерческие организации, имеющие лицензию на образовательную деятельность. *По итогам 2017/2018 учебного года в образовательных организациях края работало 1 662 педагога, прошедших такое обучение.*

Помимо этого, на базе двух школ в крае - МАОУ «Гимназия №7» г. Красноярска и МБОУ «Средняя школа №95» ЗАТО г. Железногорск - созданы стажерские площадки по внедрению медиации, где педагоги, прошедшие обучение, могут усовершенствовать практические навыки проведения восстановительных программ. Также в 2018 году на базе МБОУ ДО ДДЮ «Школа самоопределения» в г. Красноярске открыт Ресурсный центр по технологиям медиации, основным направлением деятельности которого является интеграция восстановительных практик в образовательное пространство.

Что касается эффективности работы служб, то согласно мониторингу, ежегодно проводимому Министерством образования Красноярского края, количественные показатели деятельности служб, следующие: за **2017/2018**

учебный год в службы медиации образовательных организаций Красноярского края поступило **2 299** обращений (в 2016/2017г – 1 319). Из них проведено медиаций и других восстановительных программ – 2 176.

Таблица 1. Количество проведенных медиаций в образовательных организациях Красноярского края в 2017-2018 учебном году.

Категория случая	Количество
Преступления, совершенные несовершеннолетними	42
Общественно опасные деяния, совершенные несовершеннолетними	84
Семейные конфликты	159
Конфликтные ситуации в образовательных организациях	1 800
Иные категории	91
ИТОГО за 2017-2018 учебный год	2 176

Можно по-разному оценивать директивное внедрение подобных инициатив в образовательную среду, но, по информации Министерства образования Красноярского края и самих кураторов, в школах отмечается оздоровление психологической обстановки и повышение эффективности работы по защите прав и интересов детей как следствие деятельности служб медиации.

Развитие указанных институтов и структур обеспечивается через взаимодействие Министерства образования Красноярского края, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края, Уполномоченного по защите прав ребенка в Красноярском крае, муниципальных органов управления образованием, Красноярского краевого института повышения квалификации работников образования, Сибирского федерального университета, социально ориентированных некоммерческих организаций, профессионального сообщества медиаторов.

В сотрудничестве и партнерстве вышеперечисленных организаций для поддержки уже работающих служб школьной медиации и для более активного вовлечения медиаторов-ровесников в Красноярске раз в году проводится Открытый Фестиваль служб школьной медиации.

Целями и задачами проведения Фестиваля являются:

вовлечение служб школьной медиации города Красноярска и Красноярского края в единое сетевое сообщество;

содействие развитию служб медиации в образовательных организациях;

обобщение успешного опыта создания и деятельности служб медиации; популяризация технологии школьной медиации, а также ценностей восстановительного подхода среди участников образовательного сообщества.

На сегодняшний момент состоялось уже пять Фестивалей. Они достаточно разнообразны по формату проведения, но неизменно содержательны и интересны для участников. Ниже приводится краткое описание форматов двух Фестивалей.

Первый Открытый Фестиваль школьной медиации состоялся **17 апреля 2015 года**. Он был организован в формате конкурса по трем номинациям: «Дебют» - для служб медиации, находящихся на стадии становления; «Мастер» - для служб, имеющих стартовый опыт работы; и «Профи» - в данной номинации соревновались службы, которые обладали достаточным опытом проведения медиаций и готовы были им поделиться с другими участниками. В заочном этапе приняли участие 46 команд города Красноярск, в очном – 20. Общее количество участников Фестиваля – 116, из них: педагогов-кураторов служб медиации – 25, школьников – 67, тренеров-ведущих мастер-классов – 6, волонтеров для организации мероприятия – 18.

Второй Фестиваль проводился **23 апреля 2016 года**. В этот раз участие принимала уже 81 образовательная организация Красноярск, а также гости из городов и районов Красноярского края. Программа Фестиваля этого года не включала в себя конкурсную часть, но была насыщена большим количеством образовательных площадок для участников: мастер-классы по медиативным техникам, тренинги на понимание ценностей, принципов медиации и практическую их отработку, семинары для кураторов служб по правовым и процедурным аспектам организации деятельности службы. Отмечался значительный рост количества участников: общее количество – 362, из них: педагогов-кураторов служб медиации – 82, школьников – 225, тренеров-ведущих мастер-классов – 21, волонтеров для организации мероприятия – 33.

По итогам проведения всех Фестивалей участники отзываются с большим восторгом и благодарностью в адрес организаторов, отмечают безусловную пользу данных мероприятий для повышения интереса к деятельности служб медиации у детей, педагогов и родителей. Возможность для ребят продемонстрировать практические навыки проведения медиации перед строгим и компетентным жюри, проявить умение ориентироваться в сложных моментах, возникающих при работе со сторонами конфликта, весьма важна для осознания ценности своего участия в формировании бесконфликтной образовательной среды. Кроме того, данное мероприятие значимо для приобретения нового опыта добровольчества, равноправного сотрудничества и гражданской активности.

Профессиональное сообщество медиаторов Красноярского края принимает активное участие в поддержке процесса интеграции восстановительной медиации в образовательное пространство. И в качестве

дополнительных мер, которые могут существенно повысить эффективность работы служб школьной медиации в целом, видит следующие шаги:

укрепление взаимодействия профессионального сообщества медиаторов, кураторов служб школьной медиации с государственными и общественными структурами, институтами, профессиональными объединениями. Для того чтобы региональная модель восстановительной медиации стала эффективной, необходимо активизация межведомственного взаимодействия; а также внедрение восстановительных практик в разрешение конфликтных и криминальных ситуаций не только в школах, но и в ювенальных службах, и в КДНиЗП, и других организациях. На сегодняшний день в Красноярском крае пока еще отсутствует качественный и понятный регламент применения медиации и программ примирения по правонарушениям несовершеннолетних; действия различных структур в части применения восстановительных программ в большинстве случаев рассогласованы; а «межведомственное взаимодействие» проявляется только в рамках дискуссионных площадок на общегородских и краевых мероприятиях.

создание единого информационного пространства для взаимодействия кураторов и школьных медиаторов друг с другом. Не секрет, что территориальная разобщенность населенных пунктов в Красноярском крае вызывает определенные трудности в организации регулярной коммуникации. В качестве альтернативы этому могла бы стать некая форма онлайн-взаимодействия (видеоконференции, чаты, скайп-общение и пр.), которое позволило бы формировать и поддерживать профсообщество в крае, обмениваться опытом, консультироваться с профессиональными медиаторами и друг с другом в случае возникновения сложностей и т.д.

разработка и распространение учебно-методических, информационных материалов и пособий по развитию практик восстановительной медиации. Своевременное получение специалистами, курирующими деятельность службы медиации, актуальной информации об изменениях в региональном и федеральном законодательстве, а также новых методических разработок помогло бы обеспечить основу для квалифицированной и эффективной работы служб школьной медиации.

формирование экспертного перечня критериев оценки результатов работы служб школьной медиации. В любой сфере деятельности должны быть определены стандарты ее осуществления, отклонения от которых снижают результативность. Школьному медиатору в своей работе необходимо придерживаться основных принципов и правил проведения восстановительных программ, опираться на соблюдение технологии.

увеличение количества семинаров, конференций, супервизий, поддерживающих сессий, направленных на популяризацию восстановительной медиации, в том числе с привлечением средств массовой информации, а также участие в подобных мероприятиях, проводимых другими организациями. Обмен опытом между участниками служб медиации образовательных организаций осуществляется на ежегодном Открытом Фестивале служб школьной медиации,

на площадках краевого августовского педагогического совета, ежегодной научно-практической конференции «Гражданское образование в информационный век». Но, по мнению кураторов служб, в рамках этих мероприятий времени на обсуждение актуальных проблем, связанных с внедрением школьной медиации в территориях края, явно недостаточно.

В заключении еще раз ответим на вопрос: зачем нужны службы школьной медиации?

Подавляющее большинство подростков, время от времени (дети «группы риска» - чаще), вовлекаются в конфликты, многие из них становятся правонарушителями или жертвами. Как правило, стандартный перечень методов реагирования на происходящее со стороны взрослых предполагает определенный «набор»: объяснительные, направление к психологу, социальному педагогу, привлечение родителей, воспитательные беседы, угрозы наказания и само наказание. Зачастую это приводит к нагнетанию ситуации, вовлечению в конфликт большего круга лиц, к усилению гнева и желанию мести.

Восстановительный подход к разрешению конфликтов, на котором базируется деятельность службы медиации, напротив, позволяет подросткам избавиться от обиды, ненависти, чувства несправедливости и других негативных переживаний, самостоятельно разрешить ситуацию (возместить ущерб), избежать повторения подобного в будущем. Задача службы медиации сделать так, чтобы максимальное число конфликтов в образовательной среде разрешалось восстановительным способом [1].

Данные результаты могут быть получены в образовательной организации при условии осознания и реализации ценностей, лежащих в основе восстановительного подхода, при этом осознать и присвоить эти ценности должны и учащиеся, и педагоги, и родители, ведь комфортная школьная среда – это результат совместных усилий всех участников образовательного процесса. Она, как место становления личности ребенка, формирует его чувство эмоциональной безопасности, которое позволяет ему ощущать себя принимаемым, уважаемым и ценным – и нести эти ощущения во взрослую жизнь.

Литература

1. Коновалов А.Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.

2. Максудов Р. Восстановительный подход в образовательных учреждениях. Живая Конвенция и школьные службы примирения. Теория, исследования, методики. /Под общей редакцией Н.Л.Хананашвили. М: Благотворительный фонд «Просвещение», 2011. – 168 с.

3. Методические рекомендации по разработке содержания локальных актов, регламентирующих организацию деятельности службы медиации в общеобразовательной организации [Электронный ресурс]. – URL: http://razd.edusite.ru/DswMedia/metodichnskie_materialyi_kipkpro.pdf
4. Методические рекомендации по созданию и развитию служб школьной медиации в образовательных организациях [Электронный ресурс]. – URL: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/10/Metodicheskie-Rekomendatsii_Sluzhby-SHM.pdf
5. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края «О неотложных мерах по профилактике общественно опасных деяний несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности» №167-кдн [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/23328>
6. Распоряжение Губернатора Красноярского края "О мерах, направленных на повышение эффективности профилактики правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних на территории Красноярского края" №571-рг [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/35801>
7. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. N 1430-р Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70708642/>

ПРОТОТИП МЕДИАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ ТЕКСТЕ МИРИЛКИ

Киндеркнехт Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29; e-mail: a_kinderknecht@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена мирилке как малой форме детского фольклора. Мирилка традиционно используется детьми дошкольного возраста для примирения в ссоре и налаживания дружеских отношений. Анализ коммуникативного назначения мирилки и особенностей ее использования позволяет заключить, что мирилка является прообразом медиации как технологии работы с конфликтом.

Ключевые слова: медиация, традиционные тексты, мирилка, детский фольклор, ссора, конфликт, ритуал примирения.

MEDIATION'S PROTOTYPE IN THE TRADITIONAL TEXT OF MIRILKA

Kinderknekht Anna Sergeevna – candidate of philological sciences, docent, associate professor, Perm National Research Polytechnic University

Annotation. The article is devoted to mirilka as a small form of children's folklore. Mirilka is traditionally used by preschool children for reconciliation in a quarrel and forging friendships. Analysis of the communicative purpose of the mirilka and the features of its use allows us to conclude that the mirilka is a prototype of mediation as a technology for working with conflict.

Key words: mediation, traditional texts, mirilka, children's folklore, quarrel, conflict, a ritual of reconciliation.

В рамках формирования медиативной культуры как «культуры согласия разногласных, уважения разности, непохожести, отличия одного человека от другого» [4, с. 9], претворение в жизнь разнообразных форм работы по примирительным программам с детьми разных возрастов – это эффективный способ научить детей договариваться и понимать друг друга. Применение восстановительных технологий и элементов медиации может осуществляться не только в школьной среде, но и в среде детей более младшего возраста. Примирение в ссорах здесь осуществляется в формах, адекватных уровню

развития ребенка. С самого младшего возраста эффективным в этом плане является обращение к детскому фольклору, где существует специальная форма по мирному разрешению конфликтов среди сверстников – мирилка как некий прообраз медиации.

Мирилка (от *мирить* – восстанавливать согласие, мир между ссорящимися, враждующими) – небольшое стихотворение для примирения, которое дети произносят, обычно сцепля мизинцы:

Мирись, мирись и больше не дерись.
Если будешь драться, я буду кусаться,
А кусаться ни при чём, буду драться кирпичом.
А кирпич сломается – дружба начинается.

Приведенный пример – не единственный текст «волшебных добрых стишков на случай ссоры, помогающих мириться и прощать все обиды» [7]. Существуют различные варианты окончания мирилки, например: «а кирпич сломается, дружба начинается»; «а кусаться нам нельзя, потому что мы друзья»; «мирись, мирись, больше не дерись»; «мирись, мирись, улыбайся, не дерись»; «мирись, мирись, мирись, и, чур, давай не злись» и др. Кроме того, в большом количестве встречаются тексты, отличные от распространенного и знакомого всем текста мирилки, в которых также звучат призывы не драться, не ссориться, не ругаться, «стать добрей», «вместе играть, прыгать, бегать, хохотать», «игрушками делиться», позабыть обиды и «дружить, как прежде», например:

Давай с тобой мириться
И всегда делиться.
Ра, два, три, четыре, пять –
Мы друзья с тобой опять!

Чем ругаться и дразниться,
Лучше нам с тобой мириться!
Очень скучно в ссоре жить.
Потому – давай дружить.

Ну-ка ссора – хва-хва!
К нам мирилка – ать-два.
Прочь обиды – брысь-брысь!

Больше не дерись-рись!

Мирилка является одним из источников народной педагогики, «средством «социализации» ребенка» в игре, средством «приучения его к соблюдению этических норм, правил» [1, с. 574–575]. Как элемент детской субкультуры, мирилка способствует стихийному формированию «житейских психологических знаний» «для построения отношений дошкольника со сверстниками» [10, с. 93]. «Каждый жанр детского фольклора обеспечивает определенный вектор развития ребенка» [9, с. 113]. Задача мирилки – «формировать у детей умение устанавливать и поддерживать контакт со сверстниками и взрослыми на основе уважения и сотрудничества», формировать социальную и нравственную компетентность, атмосферу доверия [3].

Наряду с изустно передаваемыми из поколения в поколение текстами мирилок, утратившими авторство, в настоящее время наблюдается возрождение жанра мирилки в текстах, придуманных для детей взрослыми; эти тексты мирилок также постепенно утрачивают авторство, будучи используемыми в играх детей детского сада. Актуализация взрослого творчества связана с условиями передачи мирилок в современных реалиях общения детей: сегодня дети уже по большей части не играют самостоятельно во дворе, а общаются в детских образовательных учреждениях, чаще всего под присмотром взрослых, где воспитатели, учителя, наставники, руководители кружков показывают детям, как можно быстро помириться и простить обиды в случае ссоры, специально заучивая с детьми тексты мирилок. Помимо вариантов псевдодетского творчества, встречаются и открытые призывы взрослых к детям:

Если ссоришься с соседом,
Помириться не забудь,
Ты ж не хочешь быть зловедой,
Значит, лучше другом будь.
Раз, два, три, четыре, пять,
Будешь другом мне опять.

Детки, помиритесь!
Больше не дразнитесь,
Не деритесь, не ругайтесь,
На друзей не обзывайтесь!
И тогда на белом свете
Дружно будут жить все дети

Мирилка – это ритуально-игровой жанр детского фольклора. Как пишут Н.Г. Архипова и А. Павлова, «мирилки представляют собой магический акт детского правосудия», с их помощью дети «решают исход кратковременных обид и ссор» [2]. Ритуально-игровой характер проявляется в сопровождающих мирилку действиях: для примирения дети обычно сцепляются мизинцами и вместе произносят текст мирилки, раскачивая сцепленные руки. По окончании произнесения мирилки-приговора/заклинания руки «разбивает» третий нейтральный участник ритуала, символизируя завершение перехода из области ссоры/конфликта в область мира/согласия. Нередко содержание мирилки отражает невербальное поведение участников примирения:

Пальчик за пальчик крепко возьмем.

Раньше дрались, а теперь нипочём.

Пальчик, пальчик – выручай,

Помирить нас обещавай!

Мизинчик с мизинчиком обнимитесь!

(имена детей), подружитесь!

Дай скорей мизинчик свой,

Зацепи его за мой.

Раз, два, три, четыре, пять,

Мы друзья с тобой опять!

Ритмичному произнесению мирилки способствуют повторы (миришь, миришь, миришь), счет (раз, два, три, четыре, пять), невербальные действия в виде ритуального покачивания руками со сцепленными мизинцами. Игровым антуражем мирилки могут выступать также куклы-мирилки, муфточки-мирилки, ленточки-мирилки, коврики примирения, цветочек, солнышко, домик, плащ примирения и т. п. [3; 8].

Сценарий жанра мирилки предполагает переход от деструктивного общения к конструктивной дружественной коммуникации. Мирилка выступает неким рубежом, который участники преодолевают, меняя свой статус врагов/соперников на статус друзей/приятелей, вычеркивая из памяти негативное отношение друг к другу. Мирилка – это «средство разрешения конфликтной ситуации» [2]. В этом смысле мирилка, применяемая детьми для примирения в ссоре, в рудиментарной форме содержит в себе основы медиации как процедуры примирения взрослых и как «технологии переговоров для работы с конфликтом» [5, с. 129].

Как прообраз медиации мирилка-игра, отраженная в мирилке-тексте, основывается на определенных принципах участия в коммуникации. Так, например, участие в игре/ритуале мирилки является **добровольным**. Произнося слова мирилки, дети держатся за руки или за мизинчики с тем, с кем хотят помириться. Обоюдное решение сцепиться руками или пальчиками объективируется в формулах действия и взаимодействия:

Мы дрались и обзывались,
Обижались и ругались,
Но решили помириться,
Нам не трудно извиниться.
Руку дай, мирись, мирись,
Друг, прости и улыбнись!

Исполнители мирилки по желанию могут пригласить третью сторону для «разрубания» сцепленных рук (мизинцев) после произнесения всех необходимых для примирения строчек «волшебного» стихика.

В мирилке участвуют, как правило, два лица, при этом половые и возрастные различия участников ритуала здесь не принимаются во внимание. Мирилка не отражает описание конкретной ссоры, которая может оставаться тайной двух детей, решивших помириться. Таким образом мы наблюдаем здесь зачатки принципа **конфиденциальности**, согласно которому содержание ссоры не озвучивается ни в мирилке, ни после ритуала примирения.

Мирилка существует в условиях равноправного сопроговаривания формул. Принцип **сотрудничества и равноправия сторон** проявляется в отсутствии четко обозначенного автора сообщения. Судя по тексту мирилки, предложение помириться озвучивается одновременно обоими участниками игры. Когда два ребенка произносят «мирись, мирись, мирись и больше не дерись», они оба выступают и в роли автора, и в роли адресата. Императивные формулы в мирилках основаны скорее на взаимодействии участников, нежели на приоритете говорящего: «мирись», «улыбнись», «не дерись», «не дразнитесь», «не обзывайтесь», «не злись». Оба участника совершают одинаковые действия – раскачивают руками со сцепленными мизинцами или совершают другие варианты действий, связанные с разными атрибутами игры, например, поглаживают руки в муфточке примирения [3].

Мирилка **нейтральна** по отношению к ее исполнителям. Коммуникативная цель мирилки – помочь детям помириться, «простить обиды и снова дружить» [6]. Текст мирилки выступает как нейтральный посредник в прекращении ссоры, удобным способом наладить взаимоотношения между детьми. Дети используют готовые рифмованные стишки, которые волшебным образом стирают обиды и помогают простить друг друга.

Итак, в мирилках мы находим прототип медиации как технологии работы с конфликтом в среде детского дошкольного возраста. Тексты мирилки, традиционные по своей регулирующей функции в детском коллективе и возрождаемые в современной практике взаимодействия детей между собой, демонстрируют пример ритуально-игрового способа налаживания конструктивной дружественной коммуникации.

Литература

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов. – М.: Высш. шк., 2004. – 735 с.

2. Архипова Н.Г., Павлова А. Современный детский фольклор: особенности бытования // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2005. – № 2. – DOI: 10.0000/cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyu-detskiy-folklor-osobennosti-bytovaniya

3. Дидактическое пособие «Кукла-мирилка Миряшка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/didaktichieskoie-posobiie-kukla-mirilka-miriashka.html> (дата обращения: 22.10.2019).

4. Марголина Т.И. Уважение достоинства человека – основа посреднических процедур // Медиация как культура согласия и ресурс развития регионов России: сборник материалов научно-практической конференции 27–28 марта 2012 года (г. Пермь). Информационно-методические материалы / Составители: Марголина Т.И., Ясырева Л.А. – Пермь: ИП Корман Галина Николаевна, 2012. – 192 с.

5. Медиация: учебник / Под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. – СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – 470 с.

6. Мирилки для детей // Мама и малыш: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mshishova.ru/mirilki/> (дата обращения: 22.10.2019).

7. Мирилки для детей // DetiOnline [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deti-online.com/stihi/mirilki/> (дата обращения: 22.10.2019).

8. Мирилки как метод нравственного воспитания и ступенька к творчеству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nsportal.ru/sites/default/files/2014/02/16/mirilki_stupenka_k_tvorchestvu.docx (дата обращения: 22.10.2019).

9. Спицына Е.И. Сохранение культурных традиций: фольклор как фактор воспитания // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 5. – С. 112–115.

10. Стрелкова О.В. Детская субкультура как компонент социального развития старших дошкольников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2013. – № 5. – С. 91–99.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГОВ ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Манина Ирина Ивановна – тренер медиаторов, медиатор, магистр психологии, соискатель ФГБНУ «Психологический институт РАО», преподаватель кафедры организационной психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Кутузовский пр/ 34 стр.14; e-mail: 7928494@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2779-6531

Аннотация: в статье рассматриваются особенности обучения педагогов медиации и медиативному подходу на основе применения метода анализа опыта, приводятся технологии построения занятия по медиации, результаты наблюдений тренера и отзывы участников курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: медиатор, школьная медиация, метод анализа опыта, тренинг, технологии, обучение, медиативный подход, педагог.

PECULIARITIES OF TRAINING OF TEACHERS IN THE MEDIATION PROCEDURE

Irina Ivanovna Manina - coach of mediators, mediator, master of psychology, candidate of the Federal state University "Psychological Institute of the Russian Academy of education", teacher of the Department of organizational psychology at the Moscow Institute of psychoanalysis, Moscow, Kutuzovsky Pro-CT, 34 p. 14; e-mail: 7928494@gmail.com

Abstract: the article deals with the issues of teaching teachers the method mediation and the mediation approach based on the application of the experience analysis method, provides some methods and technologies for constructing a mediation class, the results of the coach's observations and feedback from participants of advanced training courses.

Keywords: mediator, school mediation, training, the method of analysis of experience, technologies, learning, mediation approach, teacher.

В последние годы, с введением ФГОС и Профессиональных стандартов для педагогических работников, становится всё более актуальным непрерывное повышение квалификации в областях, связанных с педагогикой, психологией, конфликтологией и медиацией. Сотрудникам образовательных учреждений требуется овладение новыми, ранее неизвестными, навыками, в сжатые сроки. Учитывая сверхзагруженность педагогов в сфере основной деятельности, тренерам и преподавателям ДПО необходимо искать пути такой формы подачи материала, при которой взрослые обучаемые могли бы максимально быстро вникнуть в суть нового знания, понять и принять принципы и философию

предмета. Особенно это касается *процесса медиации и медиативной культуры общения*. Поиск решения данного вопроса привёл автора статьи к трудам учёных, исследующих процессы обучения взрослых.

Как известно, обучение взрослых новым навыкам значительно отличается от обучения детей и подростков. Этому вопросу посвящено множество исследований отечественных и зарубежных учёных, разработан особый подход, который получил название «андрагогический» от слова «андрагогика»: (гр. *ἀνὴρ ἀνέρ* — взрослый человек, мужчина; *ἄγειν ἀγεῖν* — вести). Понятие «андрагогика» было введено в научный обиход в 1833 году немецким историком педагогики Александром Каппом [2]. Изучение данного вопроса в литературных источниках [3] показывает, что многие российские учёные рассматривают её как самостоятельную науку и научную дисциплину. По определению, приведённому в энциклопедическом словаре под редакцией Б. М. Бим-Бада, *андрагогический подход* это: «Одно из названий отрасли педагогической науки, охватывающей теоретические и практические проблемы образования, обучения и воспитания взрослых» [1].

Практика организации КПК показала, что традиционный лекционный подход к обучению *медиации* не приводит к ожидаемым результатам. Десятки прочитанных книг, многочасовые онлайн-лекции, не могут сформировать принятие философии медиации, научить слушателей курсов применять полученные знания в профессиональной деятельности и не формируют медиативную культуру общения. В областях знаний, где необходимо эмпатичное общение, для получения опыта и развития *медиаторских компетенций* необходимо непосредственное, живое взаимодействие всех участников друг с другом и ведущим тренером.

Доступное и популярное сегодня онлайн-обучение становится проблемой при возникновении случаев реального применения полученных теоретических знаний. Не происходит процесс формирования и накопления личного опыта слушателей онлайн-курсов, необходимый для проведения процедуры медиации с конфликтующими сторонами. Теоретических знаний недостаточно даже для профилактики конфликтных ситуаций, которые успешно могли бы быть урегулированы компетентным специалистом-медиатором при помощи медиативного подхода. *При обучении в дистанционном формате не исчезает страх перед конфликтом, что отрицательно влияет на эффективность деятельности медиатора.*

Проводя мастер-классы, выступая с докладами на семинарах, круглых столах и конференциях автором статьи было выявлено, что большая часть участников данных мероприятий путали «медиацию» с «медитацией», «медиативный подход к урегулированию школьных конфликтов» - с задачей выяснить «кто первый начал?», определения «обидчика» и «жертвы», мер воздействия на виновного [5]. При проведённом исследовании (опросе) подтвердилась гипотеза о том, что искажение сути медиации, медиативных определений и понятий демонстрировали:

педагогические работники, ни разу не проходившие ПК в области медиации;

педагогические работники, проходившие онлайн обучение на курсах, подготовленных в формате вебинаров или лекционных текстовых файлов.

Следует отметить, что официальные документы о прохождении программ повышения квалификации в области школьной медиации, были выданы организациями, реализующими ДПО в области медиации, имеющими государственную образовательную лицензию. Таким образом, была выявлена проблема, снижающая эффективность медиации в образовательных организациях и дискредитирующая её сущность, а именно: *недостаточная медиативная компетентность педагогов, обучающихся медиации на дистанционных курсах повышения квалификации.*

Автором статьи была проведена исследовательская работа, в результате которой выявлено, что при подготовке Программ курса, тренер-преподаватель заранее должен был подготовить собственные «кейсы», детально прописать их, и только потом, на утверждённом материале, проводить обучение [6]. Было отмечено, что готовые «кейсы» не вызвали у педагогов-слушателей эмоций, настолько ярких, чтобы сформировать эффект «проживания» ситуации. Участниками тренингов урегулирование учебных конфликтных ситуаций воспринималось, как игра, как чуждый, искусственно созданный конфликт. При проведении опросов на финальной стадии обучения, во время шеринга, было отмечено, что 80% педагогов воспринимали учебные конфликты, как ролевою игру, что и было зафиксировано в итоговых эссе.

Данная проблема была обсуждена тренерами-медиаторами в 2018 году на 1-й Международной конференции «Медиация в современном образовательном пространстве», организованной ФГБНУ «Психологический институт РАО». Участники конференции подтвердили, что медиативная культура, интегрированная в образовательное пространство *компетентными*, в области медиации, специалистами, позволила бы значительно снизить риск возникновения разнонаправленных конфликтов, являющихся неотъемлемой частью школьного сообщества, и повысить уровень договороспособности субъектов образовательного пространства. В резолюции конференции была отмечена необходимость разработки Программ ДПО и изменения форм и методов обучения медиации на курсах ПК.

Исходя из необходимости повышения медиативной компетентности в профессиональной деятельности педагогов, инициативная группа и руководство ФГБНУ «Психологический институт РАО» приняли решение о проведении *интегративных очных курсов* повышения квалификации по медиации, на основе программы, разработанной автором статьи, в рамках 2-й Международной научно-практической конференции «Медиация в современном образовательном пространстве». При подготовке Программы повышения квалификации интегративных очных курсов «*Куратор службы школьной медиации: формирование медиативных компетенций*» были учтены вышеприведённые результаты исследований. *Впервые* на тренинге по медиации

был реализован основной метод андрагогического подхода в обучении взрослых: *метод анализа опыта*.

Как «работает» метод анализа опыта?

Слушателям курса ПК было дано задание до начала занятий: вспомнить реальные конфликты, из своего опыта работы в школе, в которых они были непосредственными участниками, зафиксировать конфликтные ситуации на листах бумаги и принести с собой на занятия. На второй день, для обучающей работы в малых группах, были выбраны разнонаправленные конфликтные ситуации, адаптированные тренером и оформленные в «кейсы». Рабочие группы объединялись из четырёх - шести слушателей (в разные дни). Участникам групп предлагалось совместным решением выбрать одну из четырёх конфликтных ситуаций. Время выбора кейса и работы над поиском вариантов решения конфликта было ограничено. Инструкция участникам: определить стороны конфликта, проблему, истинные интересы, выработать варианты решения. Поощрялось: эффективное сотрудничество и активность участников группы на всех этапах работы, соблюдение логики и принципов процедуры медиации.

Кейс 1. «Девочки Аня и Соня перешли одновременно в новую школу в 8 класс, общались, в основном, только друг с другом. Время шло, круг общения девочек постепенно расширялся, и Аня подружилась с одноклассницей Верой. Заметив это, Соня стала ревновать, злиться и требовать внимания Ани. В пятницу, после уроков, Соня потребовала не встречаться больше с Верой, а продолжать дружбу только с ней. Иначе – война».

Кейс 2. «Шестиклассники Дима и Паша дружили с первого класса. Однажды у Димы пропали беспроводные наушники. Петя сказал, что знает, кто их взял. Имена не назвал. Через неделю Петя принёс в школу наушники и передал их Диме. Казалось, что инцидент исчерпан, но папа Димы не поверил в непричастность Паши и потребовал у классного руководителя организовать встречу с родителями мальчика, обвинив Пашу в краже».

Кейс 3. «Ученик 9-го класса, на уроке во время контрольной работы, выложил свой телефон на парту. Учительнице показалось, что мальчик списывает решение задачи с телефона, и она потребовала немедленно отдать ей телефон: «Иначе получишь 2». Ученик возмутился и ответил грубо. Учитель выставил его за дверь и запретил появляться ему в классе. Мама девятиклассника с жалобой пришла к директору».

В процессе наблюдения за деятельностью участников групп автором был отмечен нарастающий интерес к выбору ролей «кейса» и обсуждению ситуации, выражающийся в изменении мимики лица, возрастающей громкости голосов, изменении тембра, сближении корпусов тел участников при обсуждении. Эффект «вживания» в ситуацию был получен! После обсуждения выполнения задания, от участников были получены следующие отзывы:

«Мы чувствовали, как играла кровь в наших венах! Интерес был таким сильным, что мы забыли, что находимся на занятии, забыли и о тех, кто находился рядом, не в нашей группе»;

«Это была моя, реальная, ситуация, и мне было очень приятно и одновременно страшно, что выбрали именно её. Но ТЕПЕРЬ я знаю, как надо было поступить! Я очень благодарна за новые варианты решений, полученные от моих товарищей по группе»;

«Теперь мы не станем бояться конфликтов, потому что справились с ним САМИ! Спасибо тренеру. Страх мешал урегулировать даже самый небольшой конфликт, теперь мы это точно знаем».

В дальнейшем, *метод анализа опыта* был объединён с кейс - методом и другими методами обучения на тренингах повышения квалификации по медиации. Затем, в обучающий тренинг был добавлен фрагмент арт-терапии, который позволял создать атмосферу доверия и комфорта среди совершенно незнакомых слушателей, а коллегам одной образовательной организации - эффект ещё большего объединения, что значительно улучшило освоение учебного материала. Арт-терапевтический метод [4], предложенный и ранее апробированный к. психол. наук Т.А. Поповой, состоял в том, что при распределении участников на малые группы были использованы карандаши ограниченного количества цветов, но неограниченного количества. Таким образом, тренер смог объединить слушателей в различные цветовые группы. При этом было отмечено, что похожесть в выборе цвета карандаша вызывала позитивную реакцию у коллег: приветливую улыбку, потребность высказаться, пообщаться с тем, кто «похож на меня».

Метод анализа опыта, применяемый на курсах повышения квалификации по медиации, поможет привлечь в ряды сторонников формирования медиативной культуры ещё большее количество педагогов, способных принять и передать философию медиации своим коллегам, ученикам и их родителям, что, в свою очередь, будет способствовать формированию медиативной культуры общения в обществе. Синтез приёмов и обучающих техник, креативность при разработке курсов повышения квалификации по медиации, творческий подход в работе тренера-медиатора, обучающего взрослых, в особенности педагогов с большим стажем, могут стать тем эффективным способом обучения, который позволит в полном объёме реализовать Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430 –р с изменениями от 01.09.2018 г. № 1837-Р по развитию служб медиации в образовательных организациях до 2020 года.

В заключение: фрагменты из отзывов участников тренингов.

«Курсы в виде очного тренинга показали огромную значимость каждого шага алгоритма процедуры медиации, дали возможность увидеть изнутри сам процесс медиации. Изучив все фазы медиации, проработав каждую из них на занятиях, я применила медиативный подход к решению конфликта среди моих собственных детей. И каково было удивление, что инструментарий медиатора решил проблему, возникшую в семье, и сэкономил время на разрешение

конфликта. Причем, абсолютно не ущемляя чувства детей. Сами дети пришли к обоюдному согласию».

«Я работаю с подростками (5-11 классы), и в моей работе часто приходится оказываться третьим лицом в спорной ситуации. Всегда стоял главный вопрос, как помочь детям самим прийти к примирению, не навязывая им своих мыслей, эмоций? Как не оказаться втянутой в конфликт и остаться при нейтральной позиции? Как преодолеть страх самого конфликта? Данный курс помог осознать проблему, и найти пути выхода из неё. Надеюсь, что полученные знания помогут мне подобрать правильные слова, чтобы содействовать родителям найти «золотую середину» и вспомнить еще и про свои обязанности перед детьми. Очень надеюсь, что споров между родителями и учителями будет как можно меньше, и мы сможем больше сотрудничать для общего успеха детей».

«Если дети, педагоги, родители научатся чувствовать состояние другого человека, и если ему плохо - поддержат, приободрят, подскажут, а иногда просто обнимут, если агрессивен - отойдут, не будут лезть в душу, когда не надо, тогда будет меньше конфликтов и ссор. Важно научить детей чувствовать и слышать, но при этом не бояться говорить о чувствах и эмоциях, используя «Я - сообщение». Медиативный подход в школе важен, медиаторов нужно воспитывать и растить с младшего школьного возраста»

«Появилось чувство самодостаточности, большего уважения к себе. Главное - научилась не бояться быть втянутой в конфликт».

«Метод «погружения», используемый на занятиях, оказался очень актуальным».

«Было очень интересно, в занятия включалось много практики: деловые игры, арт-терапия, тестирование. Полезно было узнавать новое о себе, о коллегах»

Литература

1. Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редкол.: М. М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. Педагогический Энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. — 528 с.

2. Под ред. Колесниковой И. А. Основы андрагогики. — М.: «Академия», 2003. — С. 5. — 240 с.

3. Кукуев А.И. Андрагогический подход в педагогике. — Ростов-на-Дону.: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. — С. 11. — 328 с.

4. Попова Т.А., Применение логоАрт-терапевтических упражнений в научно-образовательном проекте Сборник статей XI Международной научно-практической конференции «Психология личностного и профессионального развития субъектов непрерывного образования», под редакцией Л.М. Митиной, ФГБНУ «Психологический институт РАО», М., СПб, Нестор-История, 2015, с. 247-250.

5. Манина И.И. Школа миротворчества: медиативные технологии урегулирования конфликтов в школе и дома. Методический вестник: сборник методических разработок членов Ассоциации социальных педагогов и педагогов-психологов Подмосковья III/2019; Коломна, Государственный социально-гуманитарный университет. Апрель 2019 г. Электронная версия на диске. С. 279- 326

6. Манина И.И. Пути и перспективы повышения квалификации педагогов в области медиативных навыков без отрыва от основной деятельности в образовательной организации. «Актуальные вопросы экономики, права, психологии и образования». 5-6 июня 2019 г. Сборник научных статей Всероссийской конференции / Отв. ред. Е.В. Федосенко, Л.Ф. Уварова. – СПб.: Изд-во «НИЦ АРТ», стр.101-106

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ МЕДИАЦИИ

Туровская Евгения Станиславовна – медиатор, преподаватель факультета мировой экономики и политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; mail: turka_e@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются три модели медиации: содействующая, оценивающая и трансформативная. Приводятся их сущностные характеристики, основные различия, недостатки и преимущества. Рассматривается возможность их совмещения в процессе урегулирования конфликтов, их место в пантеоне стилей и видов медиации.

Ключевые слова: медиация, конфликт, спор, оценивающая медиация, содействующая медиация, преобразующая медиация.

EFFECTIVENESS OF VARIOUS MEDIATION MODELS

Turovskaya Yevgenia Stanislavovna – mediator, teacher of the faculty of world economy and politics, Higher school of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow ; mail: turka_e@mail.ru

Annotation. This article discusses and analyzes three models of mediation: facilitating, evaluating, and transformative. Their essential characteristics, main differences, disadvantages and advantages are given. We consider the possibility of combining them in the process of conflict resolution, their place in the Pantheon of styles and types of mediation.

Keywords: mediation, conflict, dispute, evaluating mediation, facilitating mediation, transformative mediation.

Известно, что участники конфликта и начинающие медиаторы нередко испытывают дискомфорт, так как затрудняются выбрать лучший стиль проведения процедуры медиации. Они сталкиваются с противоречивыми мнениями, утверждающими, что тот или иной подход в медиации не является "настоящим" посредничеством. Кроме того, собственники конфликта искажая суть того или иного стиля медиации, могут потерять уверенность в позитивном исходе процедуры. В данной статье мы рассмотрим несколько моделей медиации, которые применяют в своей работе специалисты в области медиации.

Содействующая медиация

В 1990-е годы в России, преимущественно преподавался и использовался вид медиации, который называется «содействующая медиация». В рамках данной модели посредник организует процесс медиации и оказывает содействие сторонам в достижении вариантов взаимоприемлемого решения.

Профессиональный медиатор задает вопросы, проясняет точки зрения сторон и их интересы, помогает сторонам в поиске и анализе вариантов урегулирования ситуации. *Медиатор не дает рекомендаций сторонам, не дает советов и не высказывает собственного мнения относительно исхода дела, не предсказывает решение суда.* Посредник отвечает за процесс, а стороны - за результат. Медиаторы стремятся к тому, чтобы стороны пришли к соглашению на основе информации и взаимопонимания. Они проводят совместные заседания со всеми сторонами с тем, чтобы последние могли выслушать точки зрения друг друга. Посредники хотят, чтобы именно стороны оказывали основное влияние на принимаемые решения, а не их доверенные лица или адвокаты. Такое посредничество возникло в эпоху добровольческих центров урегулирования споров, в которых от медиаторов-волонтеров не требовалось обладания юридическими знаниями и специальным опытом в области, касающейся предмета спора. Сегодня профессиональные медиаторы, обладающие и не обладающие специальными знаниями по определенному вопросу, также успешно прибегают к данному стилю медиации.

Оценивающая медиация

Оценивающая медиация — это процесс, построенный по образцу примирительных конференций, проводимых судьями. Оценивающий медиатор помогает сторонам в достижении урегулирования, указывая на слабые места в их делах и выдвигая предположения, какие решения могут быть приняты судьей или присяжными. Оценивающий медиатор может давать сторонам официальные или неофициальные рекомендации по итогам рассмотрения вопросов. Медиаторы концентрируют свое внимание на юридических правах сторон, а не на их потребностях и интересах. Оценивающие медиаторы чаще всего встречаются на отдельных встречах (кокусах) со сторонами и их адвокатами, практикуя "челночную дипломатию". Они помогают сторонам и их адвокатам оценить свое правовое положение, а также издержки и преимущества, как правового урегулирования, так и процедуры медиации. Оценивающий медиатор структурирует процесс медиации и непосредственно влияет на ее результаты. Чаще всего в процессе медиации принимают участие стороны, однако посредник может встретиться с адвокатами как наедине, так и со сторонами и их адвокатами. При оценочной медиации предполагается, что медиатор обладает специальными знаниями по предмету спора или юридической экспертизой в конкретной предметной области.

Преобразующая медиация

Преобразующая (или трансформативная) медиация является новейшей концепцией из трех, выделенных Фолгером и Бушем в их книге "The promise of mediation" в 1994 году [3]. Трансформативная медиация основывается на таких ценностях, как "расширение прав и возможностей" каждой из сторон в максимально возможной степени и "признание" каждой из сторон потребностей, интересов, ценностей и точек зрения других сторон. Потенциал такой медиации заключается в том, что любая или все стороны, или их отношения, могут быть преобразованы в ходе медиации. Трансформативные медиаторы встречаются со сторонами вместе, поскольку только так они могут

обеспечить друг другу признание и принятие. В какой-то мере ценности трансформативной медиации аналогичны ценностям содействующей, которые заключаются в содействии медиатором расширению возможностей сторон. Посредники, занимающиеся преобразующей медиацией, поддерживают стороны в ходе медиации и позволяют им определять направление своего собственного процесса урегулирования. В трансформативной медиации стороны определяют как процесс, так и его результаты, и посредник придерживается их позиции.

Сторонники беспристрастных стилей медиации утверждают, что содействующая и трансформативная медиация расширяют права и возможности сторон и помогают им взять на себя ответственность за свои собственные споры и их урегулирование. Противники говорят, что содействующая и трансформативная медиация занимают слишком много времени и слишком часто заканчиваются без согласия сторон. Существует дополнительная опасность того, что результаты процедуры могут противоречить нормам правосудия и посредники при таких подходах не могут защитить более слабую сторону. Сторонники трансформативной медиации говорят, что содействующие и оценивающие медиаторы оказывают слишком сильное давление на клиентов в целях достижения урегулирования. Они считают, что клиенты, а не посредник, должны решать, действительно ли они хотят урегулирования.

Сторонники оценивающей медиации утверждают, что клиенты хотят знать правду в том случае, если они не смогут прийти к согласию. Они указывают на то, что число клиентов, желающих воспользоваться оценивающей медиацией, постоянно растет, что свидетельствует о том, что рынок поддерживает этот вид посредничества больше, чем другие. Противники же оценивающей медиации говорят, что ее популярность обусловлена недалекновидностью адвокатов, которые выбирают оценивающую медиацию лишь потому, что они знакомы с этим процессом. Они считают, что клиенты не будут выбирать оценивающую медиацию, если получат достаточно информации. Они также опасаются, что оценивающий посредник может ошибиться в своей оценке дела.

Возможно, оценивающая и трансформативная медиации вызывают у вас больше вопросов, чем содействующая, которая кажется приемлемой почти для всех. Однако, некоторые считают ее менее полезной или более трудоемкой. В то же время высказывается много критических замечаний по поводу того, что оценивающая медиация является принудительной, жесткой и не беспристрастной. Трансформативная медиация подвергается критике за то, что она слишком идеалистична, недостаточно целенаправленна и не приносит пользы в деловых или судебных вопросах. Разумеется, оценивающие и трансформативные медиаторы будут оспаривать эти характеристики. Сэм Императи, например, полагает, что оценивающее посредничество варьируется от «мягкого» до «жесткого» [2]. Поэтому он считает неуместным утверждать, что оценивающая медиация обязательно жесткая. Фолджер и Буш, с другой стороны, рассматривают трансформативную медиацию как самый гибкий и

подходящий для всех видов споров метод [3]. Еще одна проблема заключается в том, что многие адвокаты и участники конфликта не знают, что они могут получить, когда окажутся в офисе медиатора. Некоторые люди считают, что медиаторы должны раскрывать информацию о том, какой стиль или стили они используют, до того, как они появятся в их офисе, или, по крайней мере, до того, как стороны примут на себя обязательства по применению и проведению процедуры медиации. Сами посредники же хотят иметь возможность решать, какой подход использовать, когда узнают детали конкретного случая.

Самуэль Императи и Леонард Рискин считают, что стили медиации скорее существуют в континууме, нежели являются кардинально различными, их отличает лишь степень вмешательства [1], [2]. В отдельных исследованиях отмечается, что большинство медиаторов используют некоторые содействующие и оценочные методы, основанные на индивидуальных навыках и пристрастиях, а также на потребностях конкретного случая. Фолджер и Буш отмечают более четкие различия в стилях, в частности, различие между посредничеством "сверху вниз" и посредничеством "снизу вверх". То есть они считают, что оценивающее и содействующее посредничество может воспринимать правовую информацию слишком серьезно и что решения, исходящие от сторон, являются гораздо более глубокими, прочными и ценными [3]. Однако в ходе неофициальных обсуждений многие специалисты-практики, использующие преобразующую модель, заявляют, что они сочетают методы содействия и трансформации, а не используют исключительно тот или иной метод. В целом медиаторы обращаются ко всем видам медиации, а не отдают предпочтение преимущественно одному из стилей.

В процедуре медиации есть место для разных стилей, включая посредничество на основе содействия, оценивающее и преобразующее посредничество. Каждый из них имеет свои преимущества и свое место среди методов урегулирования споров. Императи считает, что большинство медиаторов используют сочетание всех стилей, в зависимости от случая и сторон спора, а также свой собственный основной подход к медиации [2]. Некоторые опытные медиаторы консультируют участников конфликта и адвокатов относительно того стиля, который, на их взгляд, будет наиболее эффективным в данном случае. Те же, кто достаточно осведомлен о разнице между видами медиации, просят посредников о применении конкретного стиля в их, конкретном, случае. Автор считает, что медиаторам было бы полезно заранее рассказывать сторонам и адвокатам о стиле (стилях), который они обычно используют. Таким образом, потребности конфликтующих сторон могут быть в большей степени удовлетворены, так как они будут понимать, как будет происходить сам процесс медиации. Такой открытый, доверительный подход в работе медиаторов поможет увеличить уровень доверия к медиации и повысить ее эффективность.

Литература

1. Leonard L. Riskin, Mediator Orientations, Strategies, and Techniques, ALTERNATIVES TO THE HIGH COST OF LITIGATION 111 (1994);
2. Samuel J. Imperati, Mediator Practice Models: The Intersection of Ethics and Stylistic Practices in Mediation, 706 WILLAMETTE LAW REVIEW 33:3, Summer 1997;
3. Robert A. Baruch Bush and Joseph P. Folger, THE PROMISE OF MEDIATION, Jossey-Bass, 1994;
4. William L. Ury, Jeanne M. Brett and Stephen B. Goldberg, GETTING DISPUTES RESOLVED, Jossey-Bass, 1988;
5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 №193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2010. - № 31.- Ст. 41-62

О ВОЗМОЖНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ ВНЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Христинич Ирина Валерьевна – кандидат юридических наук, старший помощник прокурора Центрального административного округа г.Краснодара, ул.М.Седина, 36, г.Краснодар, e-mail: 2673512@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются причины низкой популярности и практического применения медиации в Российской Федерации и предлагаются некоторые решения, направленные на развитие досудебного урегулирования споров. Делается акцент на необходимости введения медиативных процедур на стадии обращения граждан с жалобами и заявлениями в органы местного самоуправления, в контролирующие, надзорные и правоохранительные органы.

Ключевые слова: медиатор, медиация, изменение законодательства, досудебное урегулирование споров, органы местного самоуправления, органы государственного надзора (контроля)

POSSIBLE PROSPECTS FOR MEDIATION OUTSIDE THE JUDICIAL SYSTEM

Irina Valeryevna Khristinich – Candidate of Juridical Sciences, Senior Assistant of the central administrative district Prosecuting Attorney in the Krasnodar city, 36, Mira street, Krasnodar city, Russian Federation, 350000, e-mail: 2673512@mail.ru

Abstract. The paper examines the reasons for low popularity and practical application of mediation in the Russian Federation. This paper offers certain actions aimed at the development of pre-trial settlement of disputes. This paper emphasizes the need for introduction mediation procedures at the stage of citizens' complaints and applications to local authorities, oversight and supervisory bodies and law enforcement agencies.

Key words: mediator, mediation, amendment of legislation, pre-trial settlement of disputes, local authorities, State supervisory body.

Довольно новое и прогрессивное направление примирительных процедур за рубежом пока не получило ожидаемого продвижения и популяризации в России. Вопрос о причинах такого слабого развития медиации беспокоит ее сторонников и порождает множество исследований с обоснованием перспектив ее внедрения в отечественную правовую систему. Данная тематика не менее актуальна и сегодня, когда законодатель продолжает вносить изменения в арбитражный и гражданский процесс путем принятия медиативных новелл, расширяя правовые условия применения медиации на практике.

Безусловно, принятые на первоначальном этапе меры породили определенный интерес к новому направлению досудебного урегулирования конфликтов и споров (опубликован Федеральный закон, начата системная работа по изменению гражданского и арбитражного процессуального законодательства, создан Федеральный институт медиации, утвержден научный журнал, проведено масса научно-практических конференций, встреч и др.). Но в силу множества факторов медиация не получила ожидаемого применения.

Основные причины низкой популярности примирительных процедур освещены и грамотно классифицированы в **Справке о практике применения** судами Федерального закона от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» **за период с 2013 по 2014** год [1, с.4]. Названы организационные (отсутствие медиаторов, рекламы, распространенной практики использования медиации, помещений в суде, низкая активность просветительской работы и др.), экономические (высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов, нежелание нести дополнительные финансовые затраты, отсутствие стремления у судебных представителей к примирению сторон, поскольку это существенно снижает размер оплаты их услуг) субъективные или психологические (высокая степень конфликтности отношений в обществе, отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров, недоверие к медиатору, нежелание брать ответственность за разрешение конфликта на себя, низкий уровень правовой культуры). Помимо этих основных причин, суды и научные исследователи называют также: короткие сроки рассмотрения гражданских дел, уменьшение судами расходов на оплату услуг представителя, отсутствие института обязательной медиации, неурегулированность процессуальным законодательством вопроса о течении процессуальных сроков на период прохождения сторонами процедуры медиации и др. .

О снижении интереса к медиации, свидетельствуют и статистические показатели. Так, если в **2014** году спор с помощью медиации урегулирован в 1329 делах (0,01% от числа рассмотренных), то в **2015** году судами общей юрисдикции по первой инстанции путем проведения медиации спор урегулирован в 1 115 делах (0,007% от числа рассмотренных), из которых в 916 делах на основе медиативного соглашения утверждено мировое соглашение. При этом, по информации, поступившей из судов, стороны практически не используют процедуру медиации для разрешения спора [2, с.4].

По истечению 5 лет ситуация с внедрением медиации в правовое пространство Российской Федерации не изменилась. Причины те же, но к ним можно добавить иные, которые также требуют обсуждения. Так, например, до настоящего времени медиация как дисциплина отсутствует среди обязательных к изучению предметов по направлениям «Юриспруденция» и «Психология» в ведущих ВУЗах страны. По-прежнему, медиация существует как дополнительная профессиональная образовательная программа профессиональной переподготовки с трех-четырёхнедельным изучением ее основ.

В этой связи можно согласиться с мнением некоторых исследователей, что по окончании ВУЗов многим молодым специалистам, так или иначе, придется сталкиваться с примирительными процедурами, поэтому большее преимущество будут иметь те из них, кто обладает более ясным представлением об их содержании, основных отличиях от судебного процесса, преимуществах и недостатках. Поэтому обучение студентов медиации также следует рассматривать в качестве одного из важных направлений развития примирительных процедур [3, с.4].

Неоднократно поднимаемый вопрос о внедрении медиативных методик в уголовный процесс, до настоящего времени тоже не получил поддержки. Однако сторонники урегулирования конфликта между обвиняемым и потерпевшим полагают, что будущее медиации в уголовном процессе есть, так как цели медиации и примирения тождественны, а возможности медиации в уголовном процессе определены ст. 76 УК РФ, необходимо только внести соответствующие законодательные коррективы [4, с.4].

В 2019 году законодатель опубликовал изменения в законы, которые касаются примирительных процедур в гражданском и арбитражном процессах и возврата госпошлины в случае, если стороны примирились [5, с.4]. В целом изменения прогнозируемые, так как давно обсуждались на предмет необходимости интеграции медиации в работу судов, а именно, законодательного закрепления порядка и сроков проведения примирительных процедур, способствованию суда к примирению сторон, утверждение и исполнение мирового соглашения и др. То есть как раз появилась долгожданная конкретика по судебному процессу, по тем пробелам законодательства, которые являлись препятствием в правовом развитии медиации из-за неурегулированности некоторых процедур, например, возврат государственной пошлины в случае прекращения судебного разбирательства.

Поэтому проанализировав, так называемый, «первый этап становления медиации» можно с уверенностью сказать о *сложившемся масштабном научном фундаменте* [6, с.4] в виде диссертационных исследований, научных публикаций, научно-практических конференций и круглых столов, начатом этапе создания правовых условий для применения медиации, но, к сожалению, недостаточной популярности данного института в обществе, слабом осознании людей о мирном урегулировании споров с помощью медиативных методик и профессиональных медиаторов.

Медиация все больше становится похожа на часть судебной системы, что может негативно сказаться в целом на ее развитии, как самостоятельном направлении досудебного урегулирования конфликтов. Поскольку конфликты и споры возникают из большого количества правоотношений: семейные, трудовые, жилищные, корпоративные, экономические и т.д. и большинство ситуаций целесообразно разрешить до обращения в суд, *увод процедуры медиации в судебную систему, на взгляд автора, не может положительно повлиять на развитие классической медиации, ориентированной на примирение сторон вне суда.*

Например, при конфликте сторон внутри двора по использованию общедомовой территории и установке металлических ограждений (ворот, шлагбаумов и др. конструкций) первичные жалобы направляются в управляющие компании, органы местного самоуправления, где по итогу их рассмотрения при неурегулированном конфликте сторонам рекомендуют обратиться в суд. Однако данный конфликт мог бы разрешить специалист-медиатор, проработав со сторонами несколько вариантов взаимовыгодных условий использования придомовой территории.

В этой связи предлагается более широкомасштабное внедрение медиации в общественную жизнь, внесудебную процедуру правоприменения, которая может повлиять на популяризацию альтернативного разрешения споров. Вполне оправданно, если медиатор будет работать как *штатный сотрудник* в органах местного самоуправления, в органах контроля, в правоохранительных и иных органах государственной власти, куда люди первично обращаются за разрешением своих конфликтных ситуаций.

Так, например, конфликт, возникший между продавцом и покупателем о возврате некачественного товара, рассматривает Роспотребнадзор. При наличии в штате органов надзора квалифицированного медиатора с хорошими познаниями законодательства о защите прав потребителей, гражданских правоотношений, мог бы разрешить ситуацию путем применения медиативных процедур.

Соответственно, при поступлении первичных обращений о нарушении каких-либо прав возможность их рассмотрения путем мирного урегулирования исключило бы проведение проверочных мероприятий и административной нагрузки на юридических лиц.

Очень часто рассмотрение жалоб в Государственной инспекции труда заканчиваются отзывом жалоб и заявлений и прекращением проверочных мероприятий в отношении работодателей, однако законодательными нормами процедура отзыва жалобы из трудовой инспекции не регламентирована. Подобные заявления нередко оформляются работниками после того, как они достигают определенных договоренностей с работодателями (о восстановлении нарушенных трудовых прав, о выплате зарплаты и компенсаций и т.д.), и несмотря на то, что это не является основанием для прекращения проверки, в инспекции обязаны рассмотреть и такие заявления работников.

В этой связи перед началом проверочных мероприятий, так же, как и перед судебным рассмотрением дела, автор полагает, вполне объективно предоставить сторонам время для урегулирования спора мирным путем, например, семь дней, передав дело на рассмотрение профессионалу – «штатному медиатору ведомства».

Для этого, как минимум, профессию медиатора предлагается *включить в Общероссийский классификатор профессий рабочих и служащих*, утвержденного Постановлением Госстандарта РФ от 26.12.1994 № 367.

Внедрение медиатора в штатное расписание государственных ведомств и структур, а также рассмотрение обращений, заявлений, жалоб у «штатных медиаторов» путем вызова сторон и проведения с ними в обязательном порядке альтернативных процедур урегулирования споров, могло бы существенно повлиять на популяризацию медиации в обществе, повышению правовой культуры граждан и, возможно, на последующий их отказ от обращения в суд.

Литература

1. Справка утверждена Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015 («Бюллетень Верховного Суда РФ», № 6, июнь, 2015, «Солидарность», № 15, 15 - 22.04.2015).

2. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2017.

3. Медиация и высшее образование. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawbook.online/grajdanskiy-protsess-rossii/mediatsiya-vyisshee-obrazovanie-56336.html> (дата обращения 09.09.2019)

4. Гаврицкий А.В., Коблева М.М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7. – С. 26 - 29.

5. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

6. Актуальные направления научных исследований в области медиации и развития медиативной практики. Обзор материалов научно-практической конференции «Медиация: теория, практика, перспективы развития», 13-14 апреля 2017 г. Москва. (Обзор подготовил Островский А.Н.) // Вестник Федерального института медиации. 2017. №2. – С.10-21.

РАЗДЕЛ 3. ВЗГЛЯД НА МЕДИАЦИЮ МАГИСТРАНТОВ И СТУДЕНТОВ

УДК 001.891.32

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАЦИИ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Южина Надежда Владимировна – студентка 4 курса кафедры «Организационная психология» НОЧУ «Московский институт психоанализа», Москва, Кутузовский пр-кт, 34, стр.14.

Манина Ирина Ивановна – магистр психологии, тренер медиаторов, соискатель ФГБНУ «Психологический институт РАО», преподаватель НОЧУ «Московский институт психоанализа», Москва, Кутузовский пр-т, 34/ 14,

e-mail: 7928494@gmail.com ORCID 0000-0003-2779-6531

Аннотация: в статье рассмотрены способы урегулирования трудовых с помощью классической медиации, приведены примеры взаимодействия нанимателя и работника.

Ключевые слова: трудовые споры, медиация, конфликт, принципы медиации, урегулирование спора.

USE OF MEDIATION IN THE EVENT OF LABOR CONFLICTS

Nadezhda V. Yuzhina - is a 4th-year student of the Department of Organizational psychology at THE Moscow Institute of psychoanalysis, 34 Kutuzovsky Ave., Moscow.

Irina Manina - master of psychology, coach of mediators, applicant of the Psychological Institute of RAO, Moscow, teacher of the Department of organizational psychology at the Moscow Institute of psychoanalysis, Moscow, Kutuzovsky Pro-CT, 34 p. 14

Abstract: the article discusses ways to resolve labor disputes using classical mediation, and provides examples of employer-employee interaction.

Keywords: labor disputes, mediation, conflict, mediation principles, dispute resolution, remote work.

В связи с фундаментальными изменениями на рынке труда, переходом к интеллектуальному рынку труда и повсеместной доступностью современных "средств производства", в т.ч. позволяющих работать *дистанционно*, можно

предположить, что работодателей все чаще будут поджидать конфликты, для разрешения которых будут востребованы медиативные технологии. Весьма вероятно, что именно этот способ урегулирования споров станет весьма популярным как среди работников, так и работодателей, поскольку суды и законы не всегда успевают за активно развивающимися технологиями и трудовыми отношениями.

Применительно к трудовым спорам эксперты выделяют несколько категорий трудовых конфликтов, для которых *медиация* может оказаться оптимальным способом достигнуть согласия.

Ситуации, не урегулированные законодательно. Так, действующее трудовое законодательство никаким образом не разрешает споры, связанные с "пактом о не конкуренции", когда работодатель доплачивает работнику за отказ в трудоустройстве в конкурирующие организации либо когда сотрудник "уводит" у компании клиентов или персонал.

-Ситуации, при которых работника и работодателя ожидает продолжение отношений в будущем. Например, если уволенной стороной является беременная женщина, велик риск того, что суд восстановит ее на работе и работодатель не сможет ее уволить до достижения ребенком определенного возраста. Кроме того, на жалобы такой сотрудницы с высокой степенью вероятности мгновенно среагируют инспекционные органы. Вариант подобной ситуации - совместное обладание организацией-работодателем и работником интеллектуальной собственностью, решения по поводу использования которой они должны принимать совместно - независимо от продолжения или прекращения трудовых отношений.

Нелегальное или криминальное прошлое. По статистике, такие проявления нелегальных отношений, как "черные" зарплаты, привлечение к труду нелегальных мигрантов и т. п., в России встречаются в значительном секторе рынка. Особенно это касается ситуаций, когда трудовые отношения имеют не просто нелегальное, но и криминальное прошлое. Например, ведение в организации "двойной" бухгалтерии, практика "откатов" должностным лицам государственных органов и т. п. грозят серьезными неблагоприятными последствиями не только самой компании и ее должностным лицам, но и сотрудникам, задействованным в применении способов ведения бизнеса, которые могут быть признаны преступлением, - с привлечением виновных к уголовной ответственности.

Желание стороны сохранить конфиденциальность. Как уже отмечалось выше, в ряде случаев распространение конфиденциальной информации для работодателя более неприемлемо, нежели удовлетворение требований работника.

Репутационные риски. Любой трудовой спор, дошедший до суда, неблагоприятно влияет на обстановку в коллективе. Среди подобных ситуаций – споры о дискриминации, все случаи получения работником увечья или вреда здоровью. Если работодателем является известная компания, такое дело может

перерасти в публичный процесс. При этом в зависимости от поведения в суде компания может потерять лояльность не только сотрудников, но и клиентов.

Сложные, непредсказуемые и прецедентные дела. В данном случае в суд может обратиться один из работников организации, но решение, принятое по его делу, может стать прецедентным и спровоцировать множество исков от других сотрудников. Речь идет о спорах, связанных с порядком начисления тех или иных выплат, премирования, предоставления компенсаций и дополнительных отпусков за вредные условия труда и т. п.

Как известно, по общему правилу срок проведения медиации не должен превышать 60 дней. Особенно это касается споров, которые переданы на медиацию после возбуждения дела в суде. В иных случаях на осуществление данной процедуры сторонам отводится до 180 дней. Однако даже срок, не превышающий 60 дней, требует дополнительных процессуальных гарантий, а именно установления в законе правила о приостановлении течения срока исковой давности в связи с заключением работником и работодателем соглашения о применении медиации либо соглашения о проведении медиации.

Отсутствие в ТК РФ норм о приостановлении течения срока исковой давности делает невозможным проведение медиации по трудовым спорам в течение 60 дней либо требует обращения в суд, поскольку иначе работник рискует пропустить срок исковой давности. Следовательно, если процесс медиации встроен в корпоративную культуру компании, у сторон есть возможность провести данную процедуру в срок до 30 дней.

Урегулированию трудовых конфликтов может оказать содействие:

1. *Медиативная оговорка в трудовом договоре работодателя и работника.*

2. *Соглашение о применении процедуры медиации* (отдельно или/и с оформлением соответствующего дополнительного соглашения к трудовому договору).

3. *Локальный акт о применении процедуры медиации.*

При медиации любого трудового спора (не только возникшего при работе дистанционно), важно соблюдение **основных принципов медиации**, а именно:

Добровольность

Если судебное разбирательство возникает по инициативе одной стороны трудового конфликта, то обращение к медиатору обязанностью не является. Российское законодательство не допускает возможности направления сторон на медиацию принудительно. Согласно п. 4 ст. 7 Федерального закона от 27.07.2010 №193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее - Закон № 193-ФЗ) [1], процедура медиации может осуществляться со дня заключения сторонами соглашения о ее проведении. При этом предложение о данном способе

урегулирования спора сторона может выдвинуть как самостоятельно, так и через медиатора.

Принцип равенства и равноправия

Данный принцип предполагает, что при проведении медиации стороны общаются друг с другом как партнеры, на равных - несмотря на то, что в ходе исполнения трудовых обязанностей работник находится в подчинении у работодателя. Особенно это актуально, когда в процессе медиации участвует не представитель компании (например, юрист или HR-менеджер), а непосредственный руководитель сотрудника либо иное лицо, которому он подчиняется в силу должностных обязанностей.

Принцип конфиденциальности

На практике данный принцип делает медиацию наиболее предпочтительным способом разрешения конфликта, в том числе и перед переговорами. В соответствии со ст. 5 Закона № 193-ФЗ при ее проведении сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, если стороны не договорились об ином.

Медиатор также связан принципом конфиденциальности и может раскрывать информацию, относящуюся к процедуре медиации, только с согласия обеих сторон.

Возможны ситуации, когда желание одной стороны соблюсти принцип конфиденциальности делает медиацию наиболее предпочтительным средством урегулирования конфликта по сравнению, например, с судебным разбирательством. При рассмотрении трудового спора для работника становятся доступны многочисленные данные, которые работодатель не намерен распространять, - начиная со штатного расписания и заканчивая персональными данными других сотрудников (размер оплаты труда, премирования, результаты аттестации).

Принцип нейтральности и беспристрастности медиатора

В соответствии с пп. 1, 2 п. 6 ст. 15 Закона № 193-ФЗ [1], медиатор не вправе быть представителем какой-либо стороны, а также не должен оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь. Принцип независимости медиатора предполагает, что, даже видя изъяны в правовых позициях сторон, он не вправе давать им юридические рекомендации. И, наконец, медиатор не всемогущ. Его задача заключается не в том, чтобы склонить стороны к урегулированию спора любым способом, а помочь им договориться. Медиатор не принуждает стороны к разрешению проблемной ситуации во что бы то ни стало. Если одна из сторон в ходе медиации принимает решение вынести дело на рассмотрение суда, процедура медиации прекращается. Медиатор также может прекратить процедуру, если увидит, что стороны не способны договориться, и этот вопрос также урегулирован законодательно. Согласно п. 3 ст. 14 Закона № 193-ФЗ, он может после консультаций со сторонами прекратить процедуру медиации ввиду

нецелесообразности ее дальнейшего проведения, направив сторонам соответствующее письменное заявление.

Имеет смысл привести некоторые рекомендации начинающим медиаторам: на учредительной стадии – премедиации – желательно представить в интерактивном диалоге [4] информацию *о принципах медиации*, которые помогут сторонам прийти к взаимовыгодному и жизнеспособному решению[2], пояснив их суть следующим образом:

1. *Добровольность*: стороны без принуждения извне принимают решения в рамках процесса и могут, как и медиатор, в любое время отказаться от участия в нем.

2. *Сотрудничество*: совместный характер действий сторон предполагает, что в процессе принимают участие обе стороны конфликта. Они направляют свою энергию на урегулирование конфликта, а не на обвинение оппонента.

3. *Ответственность*: стороны обладают возможностью представлять в процессе медиации свои интересы и самостоятельно вести переговоры. Функции медиатора ограничиваются лишь предоставленными ему процессуальными полномочиями с возложением на стороны задачи по конструктивному поиску решения.

4. *Открытость и прозрачность*: одной из процессуальных целей является совместное разъяснение материалов дела и достижение соглашения по оценке правового положения без одностороннего утаивания и упущения фактов.

5. *Конфиденциальность*: никто из участников переговоров не разглашает третьим лицам информацию, которая стала ему известна в ходе процесса; если с согласия обеих сторон медиатором ведутся индивидуальные беседы (кокусы), то медиатор сохраняет в тайне ту часть их содержания, которую стороны предпочитают не разглашать оппоненту .

6. *Нейтральность и беспристрастность медиатора*: медиатор, как и нотариус, должен быть независим от всех участников, а также от предмета спора, причем здесь действует принцип защиты даже от предположения о пристрастности.

7. *Равноправие и равенство сторон*: стороны имеют равные права на внимание медиатора, высказаться, быть выслушанными, отстаивать свои интересы, готовить и принимать только выгодные решения, покинуть стол переговоров в любое время.

С точки зрения авторов статьи, в целях разрешения конфликтной ситуации наиболее целесообразно [4] использование следующих техник и инструментов медиации:

Петля понимания (уточнение).

Воронка вопросов (открытые, альтернативные, закрытые).

Резюмирование, обобщение сказанного (итак, Вы говорите о...).

Отражение и вербализация чувств (в полутонах, предположительно).

Коучинг (пошаговое принятие решений – на 5-й фазе процедуры).

1. Прояснение целей. Что хочу?

К – конкретность.

Р – реальность (внешние условия).

И – измеримость.

В – время.

Д – достижимость (внутренние возможности).

2. Что происходит по факту (сканирование реальности)?

Какие есть варианты решения проблемы?

Какой из вариантов реален?

Какова процедура исполнения?

3. Я – сообщение:

Когда я (вижу, слышу) ...

Я чувствую (состояние, эмоция) ...

Мне хотелось бы (желание)...

Поэтому я прошу (просьба)...

4. Техника активного слушания:

Повторение (Эхо-техника):

Я не выношу критику в свой адрес.

Критику?

Ну, не то, чтобы критику... и т.п.

Перефразирование.

Другими словами, вы считаете, что...

Правильно ли я вас понял? Вы сказали, что...

Резюмирование (обобщение).

Итак, мы с вами говорили о том, что...

Рассмотрим пример трудового спора.

Фабула: «Работник обратился с иском о восстановлении его на работе, в связи с тем, что при его увольнении по сокращению штата (п.1 статьи 42 Трудового Кодекса Российской Федерации [3]) наниматель не предложил ему все имеющиеся в организации вакансии. *Инициатором* медиации выступил *наниматель*. Истец согласился провести переговоры с представителем нанимателя при участии нейтрального независимого посредника (медиатора)».

Фактическая сторона спора, которую смог выяснить медиатор: на момент возникновения конфликта сотрудник компании «N» Александр (далее – А.Н.) работал в данной компании уже 4 года в должности специалиста отдела логистики, но был уволен по сокращению штата с должности специалиста отдела. Однако при проведении сокращения работодатель не предложил ему все имеющиеся вакантные должности. В ответ на допущенное нарушение работник предъявил к компании иск о восстановлении на работе и взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, а также компенсации морального вреда.

Директор компании был очень удивлен таким поворотом дела, т. к. при сокращении этому сотруднику было выплачено несколько окладов, и обвинил А.Н. в алчности и неблагодарности.

Инициатива разобраться в ситуации методом медиации принадлежала директору компании, А.Н. согласился на переговоры, но с условием проведения процесса в рабочее время и с сохранением заработной платы.

Описание процедуры медиации с точки зрения медиатора.

В ходе медиации, работник, рассказывая свое видение ситуации, отметил, что по специальности он инженер, при этом может добросовестно выполнять работу менеджера по обучению персонала. Поскольку данная должность была свободной на момент его предупреждения о сокращении штата и не была ему предложена, у него есть все основания требовать восстановления на работе. По его мнению, работник отдела кадров хотела устроить на эту должность своего мужа, поэтому в грубой форме отказала ему во внесении этой должности в список предлагаемых ему свободных должностей.

Наниматель, в свою очередь, пояснил, что процедура увольнения по сокращению штата была произведена, на их взгляд, в полном соответствии с требованиями законодательства о труде (статья 43 ТК). Так, работник был предупрежден за два месяца до его предстоящего увольнения, ему предоставлялся раз в неделю свободный день для самостоятельного трудоустройства и предлагался список вакантных должностей, соответствующих его специальности и квалификации, но он от перевода на эти должности письменно отказался. На момент предложения работнику имеющейся у нанимателя работы должность менеджера по обучению персонала уже была укомплектована: подписан контракт, но работник должен был приступить к работе по графику через два дня.

Позиции сторон, предъявляемые оппонентами:

Позиция нанимателя: Нанимателем был соблюден установленный статьей 43 ТК порядок увольнения в связи с сокращением штата, поэтому требования работника безосновательны.

Позиция работника: Наниматель нарушил порядок увольнения, установленный ч. 4 статьи 43 ТК [3]. Работнику не была предложена другая имеющаяся у нанимателя работа, которую работник мог выполнять с учетом

его специальности и квалификации. В связи с этим предприятие обязано восстановить его на работе.

В ходе обсуждения сторонами возможных выходов из сложившейся ситуации, указанные позиции были трансформированы медиатором в следующие интересы сторон:

Интерес нанимателя: не проводить никаких кадровых перестановок и оперативно разрешить данный спор.

Интерес работника: получить постоянный источник дохода в течение трех месяцев (время ожидания работы у другого нанимателя по предварительной договоренности).

В ходе медиации выяснилось, что истинным интересом А.Н. при сокращении было отнюдь не выплата ему пособия, а сохранение трудовых отношений на период трудоустройства. Как пояснил А.Н., ему было бы легче трудоустроиться, если бы компания предоставила ему еще несколько месяцев на поиск подходящей работы, что позволило бы ему выгоднее продать себя на рынке труда. Кроме того, работник был недоволен тем, что более года он фактически выполнял функции заместителя начальника отдела, в то время как его должность этого факта не отражала.

До проведения процедуры медиации А.Н. был намерен восстановиться на работе и продолжать трудовую деятельность до того момента, пока не найдет новое место. Для работодателя же принципиальным был вопрос сокращения фонда оплаты труда, что и пояснил его представитель.

Как известно, для того чтобы медиация состоялась, необходимо соблюдение следующих условий [4]:

стороны обратились к медиатору добровольно, без давления извне;

стороны заинтересованы в разрешении конфликта или спорного вопроса;

стороны по какой-либо причине не хотят обращаться в суд или к другим способам принудительного решения;

стороны избегают силовой борьбы с целью сохранить отношения или возможный исход силовой борьбы не определен;

стороны готовы обсуждать конфликт и связанную с ним ситуацию;

стороны могут и готовы нести ответственность за себя, свои действия и решения.

Рассмотрим гипотезы медиативных решений данного спора

Итог медиации (вариант 1):

Истец отказался от иска. После консультаций с юристом стороны подписали медиативное соглашение, в развитие которого был заключен гражданско-правовой договор сроком на три месяца. По договору бывшему работнику было поручено за определенную плату:

написание ряда статей и иного информационного материала для размещения их на сайте и на стендах организации;

создание и ведение в течение указанного срока страниц предприятия в нескольких социальных сетях.

Итог медиации (вариант 2):

В ходе медиации стороны, поняв истинные интересы друг друга, пришли к соглашению о *заключении срочного трудового договора на неполное рабочее время*. Это позволило компании сократить правовые риски в случае восстановления работника и взыскании в его пользу среднего заработка за время вынужденного прогула, а сотруднику - повысить шансы на трудоустройство. Кроме того, работодатель согласился внести изменение в трудовую книжку истца – сделать запись о переводе его на должность заместителя начальника отдела с момента фактического выполнения работником соответствующих обязанностей.

Выводы.

Включение медиации в корпоративную культуру организации существенно сократит количество судебных исков и рисков, с ними связанных.

Сотрудник получил гораздо больше, чем в случае выигранного судебного разбирательства. Даже если бы решение в суде было принято в его пользу, он мог бы потом месяцами, а то и годами искать работу. Наличие трудовых отношений поможет работнику более уверенно вести себя на собеседовании, а должность "заместитель начальника отдела", указанная в трудовой книжке, позволит претендовать на вакансии более высокого уровня и рассчитывать на достойное вознаграждение. Кроме того, работодатель обязался при необходимости дать работнику хорошие рекомендации.

В свою очередь, работодатель был избавлен от немалых судебных расходов, компенсировать которые он не смог бы даже при удачном для него исходе, поскольку работника законодательство освобождает от подобных затрат. И самое главное: работодатель смог избежать взыскания с него компенсации среднего заработка за вынужденный прогул, которая увеличивается по мере разбирательства (как правило, несложный трудовой спор рассматривается судом в течение как минимум 6 - 8 месяцев) и взимается за весь период - с момента увольнения до вынесения судом решения о восстановлении. И это только очевидная выгода. Не лишним является и упоминание о том, что способность работодателя решить спор миром всегда положительно влияет на других сотрудников, наблюдающих за конфликтом, и повышает их лояльность.

Литература

1. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ.

2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 14 февраля 2011 г. N 187 г. Москва "Об утверждении программы подготовки медиаторов".

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019)

4. Манина И.И. Пути и перспективы повышения квалификации педагогов в области медиативных навыков без отрыва от основной деятельности в образовательной организации. «Актуальные вопросы экономики, права, психологии и образования». 5-6 июня 2019 г. Сборник научных статей Всероссийской конференции / Отв. ред. Е.В. Федосенко, Л.Ф. Уварова. – СПб.: Изд-во «НИЦ АРТ», стр.101-106

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕКЦИЙ ИНОСТРАННЫМИ СПИКЕРАМИ, ПРИЕЗЖАЮЩИМИ В РОССИЮ ДЛЯ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Гузь Екатерина Алексеевна – студентка МГЛУ, 4 курс, ИГПН, Психология. Москва, ул. Остоженка, д. 38. ekgooze@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности проведения лекций как иностранными, так и российскими спикерами. Разобраны возникающие при этом барьеры, мешающие созданию связи между спикером и аудиторией. Сделаны краткие выводы по этому вопросу.

Ключевые слова: коммуникационные барьеры, образование, лекция.

FEATURES OF LECTURES BY FOREIGN SPEAKERS ARRIVING IN RUSSIA FOR SPEECHES

Guz Ekaterina Alekseevna – MSLU student, 4 year, Institute of Humanities and Applied Sciences, Psychology. Moscow, st. Ostozhenka, 38. ekgooze@yandex.ru

Annotation. considered the features of lectures by both foreign and Russian speakers. Analyzed the barriers that arise in this way, which impede the creation of a connection between the speaker and the audience. Made brief conclusions on this issue.

Keywords: Communication Barriers, Education, Lecture.

При проведении лекции большое значение имеет способ донесения информации до слушателей, выбранный спикером. То, каким он будет, зависит от ряда причин, начиная от традиций, принятых в образовательной среде, где обучался спикер, и заканчивая его личными предпочтениями. Однако традиции оказывают наибольшее влияние, из-за чего складывается определённый «портрет» спикера-европейца или американца и спикера-россиянина.

Представления о том, как следует проводить лекции, в России и в странах Европы и Америке различаются, в основе этих различий лежит разное представление о том, как следует строить образование в целом. Российская система более жёсткая, предполагает определённые рамки и построение дистанции между преподавателем и студентом. Она опирается на необходимость донести материал по заранее построенной схеме, отступления от которой редки. Европейская и Американская же ориентируются на личную мотивацию учащегося. Предполагается, что высшее образование получают те, кто уже замотивирован его получить, поэтому система более гибкая и позволяет учащемуся частично или полностью подстроить себя под него.

Рассмотрим схемы лекций, характерные для этих двух систем.

В России лекция имеет следующую структуру: сначала говорит преподаватель, донося тот сегмент материала, который запланировал, в конце отводится время для вопросов студентов, если они возникли. Традиция предполагает тишину в аудитории и внимательное слушание преподавателя до последних пяти – десяти минут, с накоплением вопросов в процессе.

В Европе и Америке структура несколько иная, более «раздробленная»: студенты могут задавать вопросы прямо во время лекции, если какой-либо тезис им не понятен и требует дополнительного пояснения. Ожидается построение диалога между преподавателем и учащимися. Преподаватель также имеет право задать вопрос своим студентам, что на «российской» лекции случается редко – для отработки материала существуют семинары.

Из этих различий проистекают проблемы восприятия, возникающие, когда иностранный спикер приезжает в Россию, чтобы выступить с лекцией для российских студентов.

Студенты привыкли, что в течение лекции должна соблюдаться тишина. И указание на то, что они могут задавать вопросы, которое спикеры обычно делают в начале своего выступления, редко помогает нарушить многолетнюю привычку, сложившуюся ещё со школы. Сверху дополнительно накладывается правило вежливости, запрещающее перебивать говорящего – спикер же не обязательно станет делать специальные паузы для вопросов. Как результат, возникает некий коммуникационный барьер [1].

Спикер ждёт вопросов – их нет. Соответственно, спикер не знает, каким частям своего выступления он должен уделить больше внимания. И ему неясно, его внимательно слушают и всё понимают или же его слова игнорируются. Напоминание о том, что можно (и нужно) задавать вопросы, может прозвучать несколько раз и по-прежнему не дать результата. Невольно копится напряжение, слушатели не знают, как им поступать, спикер нервничает. Итог ситуации возможен разный, зависит он от того, «оттает» аудитория или нет.

Как уже было сказано выше, европейский или американский спикер чаще делает ставку на личный интерес и мотивацию слушателя. Говоря простым языком: зачем тратить время на донесение до кого-то информации, если она его не интересует? Ведь можно повторить лекцию после сколько угодно раз, и учащийся ничего не запомнит, если не захочет. Вопросы же являются индикатором этого интереса, указывают на то, что слушатель хочет разобраться в теме получше, получить какие-то новые знания.

Также необходимо отметить ситуации, когда аудитория в целом не настроена на диалог. Студенты могут хранить молчание и после привычного «Есть ли у вас вопросы?» или «Задавайте вопросы спикеру» к концу выступления. Причины могут быть разные, начиная от стеснения (необходимость первым нарушить повисшее молчание повышает тревожность [3]) или отсутствия интереса и заканчивая тем, что возникший где-то на середине лекции вопрос потерял актуальность или забылся.

Как отмечает автор статьи, российские преподаватели редко задают вопросы во время лекций. Эти вопросы, кроме остального, служат несколько иной цели. Преподаватель спрашивает что-то, чтобы проверить уже пройденный материал (как правило, это касается общей терминологии предмета) или убедиться, что его слушают («Повторите, пожалуйста, что я сказал(а)»). То есть, если у иностранных спикеров вопросы студентов являются индикатором интереса, то российские преподаватели сами задают вопросы для проверки слушающих на внимательность и дисциплину. При этом нельзя назвать одну из систем лучшей или худшей. То, как будет воспринят материал, зависит от аудитории в том числе. Цель спикера – донести своё сообщение с наименьшими искажениями, а особенности слушателей кроются не только в том, из какой страны они происходят. Иностранные спикеры, как правило, проявляют толерантность и понимание к молчанию, несмотря на некоторую неловкость ситуации.

Закончить мне бы хотелось цитатой из книги Сергея Довлатова «Соло на Ундервуде»:

«Это произошло в Ленинградском театральном институте. Перед студентами выступал знаменитый французский шансонье Жильбер Беко. Наконец выступление закончилось. Ведущий обратился к студентам:

– Задавайте вопросы.

Все молчат.

– Задавайте вопросы артисту.

Молчание.

И тогда находившийся в зале поэт Еремин громко крикнул:

– Келе ре тиль? (Который час?)

Жильбер Беко посмотрел на часы и вежливо ответил:

– Половина шестого.

И не обиделся [2]».

Литература

1. Бороздина Г. В. «Психология делового общения», — М.: ИНФА-М, 1999. — 224 с
2. Довлатов С. Д. «Соло на Ундервуде», — «Азбука-Классика», 2008. — 34 с
3. Полшкова Т. А. Проблема ситуативной тревожности в психолого-педагогических исследованиях // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2013 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2013. — С. 107-110.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: MEDIATION SKILLS

Дунаева Ирина Сергеевна – магистрант, студент 2-го курса магистратуры Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), Москва. 6198185@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме формирования медиативной культуры в российском социуме. Рассматривается зависимость развития медиативной культуры от сформированности медиационной культуры. Описана практическая значимость формирования медиационных навыков в воспитании медиационной личности.

Ключевые слова: медиационные навыки, mediation skills, медиационная личность, медиационное общество, медиационная культура, медиативная культура.

FORMATION OF MEDIATION CULTURE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY:

MEDIATION SKILLS

Dunaeva Irina Sergeevna – master student of 2 course of legal psychological faculty of magistracy of Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow. 6198185@mail.ru

Annotation: the article is devoted to the problem of formation of mediation culture in Russian society. The dependence of the development of mediation culture on the formation of culture of mediation procedure is considered. The practical importance of the formation of mediation skills in the education of the mediation personality is described.

Key words: mediation skills, mediation personality, mediation society, mediation culture, culture of mediation.

В России исследовательская деятельность в области изучения медиации ведется, начиная с 80-х годов XX столетия. Как социокультурная категория она рассматривалась в трудах А.С. Ахиезера [1], который актуализировал этот концепт в российском научном сообществе, тем самым обогатив отечественную социологию и культурологию. Он же первым заговорил о медиационной

личности и ее значении для развития русского социума и культуры. Идеи А.С. Ахиезера легли в основу дальнейших российских исследований в этой области.

Медиация понимается А.С. Ахиезером как процесс «формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив, расширения их спектра», «процесс наращивания рефлексии соответствующего субъекта через формирование последовательной системы все более конкретных оппозиций» [1].

Дальнейшее исследование медиации как социокультурной категории продолжили А.А. Пелипенко [6], А.П. Давыдов [2], [3] и др. Рассматриваемая участниками «Ахиезеровских чтений» [5] [4], медиация – это уже не только процесс «формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив, расширения их спектра» [1]. Результатом медиации становится средняя или срединная (медиационная) культура – новый элемент культуры, не сводимый к старым крайним ее полюсам [1]. Теперь, находясь в сфере между культурой и обществом, медиация подвергает сомнению статичные традиционные смыслы обоих полюсов оппозиции и формирует пространство новых/инновационных третьих смыслов [3].

Период имплементации медиации как процедуры альтернативного разрешения споров и закрепление ее на уровне российского законодательства пришелся на 1990-е годы. С тех пор, несмотря на сформированную законодательную базу и высокую заинтересованность в ней профессионалов по вопросам урегулирования споров (судей, юристов, адвокатов), запрос со стороны общества на применение процедуры медиации практически отсутствует. Число применения процедур медиации растет незначительными темпами.

Трудности становления применительной практики и развития медиации в России во многом связаны с несформированностью новой, неконфронтационной культуры урегулирования конфликтов. Лишь сформировавшись и укоренившись в обществе, медиационная культура повлечет за собой развитие медиативной культуры. Тогда запрос на медиативную культуру и медиацию будет исходить от медиационной личности, как часть естественной для нее медиационной культуры.

Медиационная культура является продуктом медиации, «срединной культурой» относительно абсолютных (сакральных) и относительных (профанных) смыслов бытия. Моральные нормы медиационной культуры не сформулированы в виде набора рекомендаций и запретов. Это результат творчества личности как источника морали, в процессе которого создаются новые смыслы, новые ценности, новая реальность. Включение медиации в нравственную культуру общества способно привести к качественному изменению социального взаимодействия, сформировать медиационную культуру и медиационную личность, заложить основу медиативной культуры разрешения конфликтов.

Воспитание ребенка с самого рождения в контексте медиационной культуры (согласно концепции Д.Б. Эльконина [10], уже в младенчестве

ребенок учится эмоциональному взаимодействию с окружающим миром при помощи звуков, мимики, жестов) позволяет ему опосредованно усваивать социальные границы, правила, мораль, образы действия. Формируясь внутри систем медиационного общества и медиационной культуры, ребенок естественно и органично начинает знакомство с окружающим его миром, гармонично реализует свои потребности и задачи, в связке ребенок-взрослый овладевает медиационными способами действия с предметным миром и взаимодействия с окружающими.

Гуманизм современного воспитания состоит в том, что отношения субъектов воспитательного процесса строятся не на давлении и безусловном послушании, а на диалоге и взаимопонимании, на сопереживании и принятии друг друга. Таким образом, представляется целесообразным введение в рамках гуманистической педагогики обучения детей, начиная с раннего возраста, медиационным навыкам в деятельности соответствующей их возрасту и уровню психического развития, учитывая и используя периоды наибольшей восприимчивости (сензитивные периоды) детей к формированию культурной и социальной идентичности, усвоению культурных и социальных норм и правил.

С помощью образовательных компетенций, направленных на преодоление инверсионных тенденций развития, повышение культуры договора, рост договороспособности и формирование диалога внутри социума, между социумом и властью, возможно формирование в России нового общества и инновационных медиационных общественных взаимоотношений. Выполняя социальную, культурную, образовательную и формирующую новую нравственность и мораль общества функцию, медиация сделает возможным сдвиг ценностей и социокультурных установок общества на формирование культуры медиации как процедуры, медиативной культуры.

Иными словами, медиационное мышление предполагает медиационную личность, включенную в медиационную культуру. Реализуясь в медиационной культуре, опираясь на ставшие устойчивыми в медиационном обществе нормы морали и способы взаимодействия начнется укоренение медиативной культуры.

Выявленное и описанное взаимовлияние личности и культуры имеет весомое практическое значение. Медиационное общество невозможно без медиационной личности, следовательно, необходимо воспитание, возвращение медиационного человека, поколения, общества, владеющих навыками (назовем их *mediation skills*) эффективного мирного разрешения встающих перед ними вызовов и задач.

Что такое *mediation skills* для жизни? Какие качества помогают быть медиационным? Что мы понимаем под *mediation skills*?

Mediation skills – это особые медиационные навыки, которыми владеет личность, реализующая себя, свою деятельность и осуществляющая взаимодействие на основе принципов добровольности (ненасилия), взаимного сотрудничества, равноправия участников взаимодействия, беспристрастности и независимости суждений [7], ответственности. В основе *mediation skills* лежат принципы медиации и медиативный подход. *Mediation skills* вытекают из

определения медиативного подхода, носящего весьма прагматичный «прикладной» характер, как стремления к пониманию [9], невозможного без опоры на основные принципы медиации, реализуемые в процессе жизни и деятельности, взаимодействия и коммуникации как отдельного человека, так и группы, социума.

Медиационные навыки не результат «natural good instinct» (они не инстинктивны), а результат научения и практического применения, опыта [11]. Навыки – это определенные способности, мастерство или умения, которыми в какой-либо области обладает человек [11]. Профессиональные навыки медиатора, например, здравый смысл, организационные навыки (организаторские способности), создание определенного уровня комфорта в социальной ситуации, умение слушать, навыки задавания вопросов, способность к устному или письменному общению, так же как профессиональные навыки других специалистов (управленцев, журналистов, поваров), часто используются людьми в обычной жизни для решения повседневных задач.

Mediation skills — кирпичики, на которых строится медиационный «способ осмысленного, осознаваемого позитивного взаимодействия в любых ситуациях повседневной профессиональной и бытовой жизни, позволяющий предупредить возникновение и эскалацию конфликтов, урегулирование разногласий там, где использование процедуры медиации нецелесообразно и/или не представляется возможным» [9].

Mediation skills – это **коммуникативные навыки** [12], то есть умения, которыми обладает человек в области коммуникации, и иного взаимодействия, в ситуации конфликта или спора.

Соотнесем mediation skills с принципами медиативной культуры (медиации):

Добровольность – признание и ненасилие, непринуждение, свобода решать и принимать решения [12].

Сотрудничество – совместная работа по поиску решения и выхода из сложной ситуации, обоюдная заинтересованность и вовлеченность [12].

Равноправие – способность видеть в оппоненте равного, имеющего равное право на высказывание и защиту своего мнения, своих взглядов, интересов.

Ответственность – личная и коллективная ответственность за содержание и продвижение в достижении договоренностей, выработке решений, их принятии и исполнении. С.А. Филиппов [8] в контексте права и морали также поднимает вопрос культуры договора, ответственности за достигнутые договоренности (за себя и свои решения, обязательства, их организацию, выработку, принятие и исполнение).

Открытость и прозрачность [9] – это честный и открытый диалог, подразумевающий честность и искренность в отношении себя и других участников взаимодействия, разъяснение смысла и значения своих действий,

ответы на возникающие вопросы для избежания формирования дефицита информации и ложных выводов, результатов.

Принятие [9] – не толерантность или безоговорочное соглашение с иным мнением, способом и прочее, а признание самого права на существование другого, совершенно чуждого, раздражающего, вызывающего отторжение. Принятие – это смена отторжения стремлением узнать, понять, увидеть, осмыслить. Это уважение самобытности, инаковости, независимости и самостоятельности других участников, отсутствие давления.

Уважение [9] – уважительное отношение к окружающим, к миру вообще, к участникам диалога, к человеку, это заинтересованность и пытливость.

В современном мире mediation skills необходимы и в работе, и в личной жизни. Они охватывают практически все сферы взаимоотношений между людьми, формируя культуру общества и новые смыслы, новые взаимоотношения. Медиационные навыки позволяют строить диалог, основанный на уважении и безопасности всех его участников. Без медиационных навыков невозможно представить успешные трудовые, социальные, экономические, личные отношения.

Сложно переоценить значимость умений разрешать конфликты и договариваться, эффективно доносить свои мысли, слушать и быть услышанным, создавать, выстраивать и поддерживать партнерские отношения, общаться на равных.

Mediation skills меняют как самого человека, так и его отношения с собой, с окружающим миром, людьми, обществом, и, опосредованно, через него, изменяют людей и общество. Так развиваются эмпатия, способность сомневаться, чуткость, сопереживание, сострадание, равнодушие, осознанная ответственность – качества, невозможные без постоянной работы над собой, рефлексии. Повышается уровень осознанности себя и своих действий, принятия решений, сохраняется индивидуальность и достоинство личности, формируется ответственное поведение и ответственное отношение к миру.

Медиационные навыки – mediation skills – становятся сегодня инструментом совершенствования общественных отношений [9], формирующим навыки позитивного взаимодействия, повышающим способность общества к диалогу, создающим основу для формирования медиативной культуры в современном российском социуме.

Литература

1. Ахиезер А.И. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е изд. перераб. и доп. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Давыдов А.П. В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / сост. Давыдов А.П. – Москва : Новый хронограф, 2009. – 401 с.

3. Давыдов А.П. Основание развития как социокультурная проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума // Вестник Института социологии. – 2018. – № 1. – Том 9. – С. 28-51.
4. Давыдов А.П. Основания и структура российской ментальности в условиях модернизации. Подведение итогов второго заседания круглого стола «Ахиезеровских чтений» // Философские науки. – 2010. – № 3. – С. 5-84. [Электронный ресурс]. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15596774_81773354.pdf (дата обращения 21.09.2019).
5. Давыдов А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России. Подведение итогов первого заседания круглого стола «Ахиезеровских чтений» // Философские науки. – 2010. – № 2. – С. 68-79. [Электронный ресурс]. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15596757_99145486.pdf обращения 21.09.2019).
6. Пелипенко А.А. Постижение культуры [Электронный ресурс]. — URL: <http://apelipenko.ru/> (дата обращения 30.09.2019).
7. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ ст. 3 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения 30.09.2019).
8. Филиппов С.А. Культура диалога // Правовая культура. – 2013. – № 1(14). – С. 67-69.
9. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации.- 2017. - № 3. - С. 10-23.
10. Эльконин Д.Б. Психология развития: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва : Академия, 2001. – 144 с.
11. Boulle L..J., Colatrella M.T. (Jr.), Picchioni A.P. Mediation: Skills and Techniques - Carolina Academic Press, 2012 [Electronic resource]. – URL: <https://www.overdrive.com/media/1091988/mediation> (accessed 09.10.2019).
12. Whatling T/ Mediation Skills and Strategies: A Practical Guide. – London and Philadelphia : Jessica Kingsley Publishers, 2012. – 176 p.

МЕДИАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дунаева Ирина Сергеевна – магистрант, студент 2-го курса магистратуры Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), Москва. kudraysha@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме применения медиативного подхода как инструмента преобразования общественных отношений российского общества. Рассматриваются отличия процедуры медиации и медиативного подхода. Раскрываются причины и перспективы внедрения медиативного подхода.

Ключевые слова: медиация, медиативный подход, общественные отношения.

MEDIATION APPROACH AS AN OPPORTUNITY OF CHANGING THE PUBLIC RELATIONS

Dunaeva Irina Sergeevna – master student of 2 course of legal psychological faculty of magistracy of Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow. kudraysha@yandex.ru

Annotation: the article is devoted to the problem of the using of mediation approach as an instrument of public relations transformation to the Russian society. The difference between the mediation procedure and the mediation approach is considered. The reasons and perspectives of mediation introduction are discovered.

Key words: mediation, mediation approach, public relations.

Научно-технический прогресс неумолимо неостановимо и необратимо меняет людей и отношения между ними. Остановить развитие невозможно. В современном мире изменяющаяся окружающая действительность направляет мысль и деятельность членов социума на выживание, защиту от неблагоприятных факторов, нежели на поиск мудрого гуманного пути преобразования усложняющейся агрессивной реальности в комфортную для самореализации, самоактуализации и взаимодействия друг с другом среду.

Современная ситуация в обществе как травмирующий фактор, порождает конфликтность в социуме. Современный темп жизни предоставляет мало возможности для рефлексии. Стремление к материальным благам,

конкуренция, коррупция привели к тому, что общество поражено завистью, жадностью, создалось ложное представление о принятых в обществе нормах и правилах. В результате способность к самокритике, к сознательным поступкам в российском обществе практически отсутствует.

Формирование ответственного осознанного отношения к себе и окружающим, основанное на понимании, уважении и признании своих и чужих интересов происходит в процессе поиска нового медиативного разрешения спора и/или конфликта. Сегодня реализация потребности в правосудии, как способу защиты, сохранения, восстановления интересов, уважения и признания ценности личности реализуется в процедуре медиации и/или медиативном подходе. Медиация и медиативный подход позволяют не только и не столько разгрузить суды и предлагают альтернативные способы разрешения конфликтов, но становятся инструментом изменения общественных отношений в сторону снижения конфликтности, повышения договороспособности, принятия и понимания.

Ценность медиации и медиативного подхода как инструмента формирования новых позитивных взаимоотношений в обществе и как способа альтернативного разрешения споров лежит в правовой и социальной области, сфере образования и другого взаимодействия людей, а так же в реализации образовательной и воспитательной функций.

Процедура медиации, согласно Федеральному закону от 27.07.2010 N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [3]. Процедура медиации структурирована (последовательный переход от фазы к фазе) и предусматривает участие третьего нейтрального и беспристрастного лица (медиатора). Медиатор ведет и направляет процедуру, открывая сторонам возможность самим находить пути для взаимовыгодного и реалистичного решения конфликта. Принципы, лежащие в основе процедуры медиации ценны сами по себе и имеют невосполнимое значение как для участников конфликта, так и для общества в целом.

Принятие Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров» и последующих за ним правовых актов дало сильный импульс развитию медиации в многообразии её форм и направлений в правовой культуре российского общества. Однако пока медиация, медиативный подход в России ещё не стали насущной потребностью, и общество недостаточно информировано как о процедуре, так и о медиативном подходе.

Ограничения медиации, связанные с уместностью, возможностью, допустимостью проведения полноценной процедуры (полная или частичная недееспособность стороны или сторон, нарушение в силу невозможности соблюдения некоторых принципов медиации, таких как добровольность участия, конфиденциальность, равенство, взаимное уважение, принятие,

честность, сотрудничество, потеря медиатором нейтральности и беспристрастности) позволяет преодолеть медиативный подход.

Медиативный подход – подход, основанный на принципах медиации, предполагающий владение навыками позитивного осознанного общения, и создающими основу для предотвращения и/или эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях без проведения медиации как полноценной процедуры [4].

Не блокируя диалог, открывая путь сотрудничеству и пониманию медиативный подход помогает в разрешении конфликтов в повседневной и общественной жизни каждого человека, независимо от возраста, социального положения, материального статуса. Благодаря такой гибкости, медиативный подход применим в школе, в быту, в переговорах, когда медиатор может являться стороной спора, а сторона спора может не быть полностью дееспособной и прочее.

Медиативный подход не предполагает четкой структуры процедуры медиации и безоговорочного соблюдения всех принципов, что значительно расширяет сферу его применения. Медиативный подход – способ осмысленного осознаваемого позитивного взаимодействия в любых ситуациях повседневной профессиональной бытовой жизни, позволяющий предупреждать возникновение и эскалацию конфликтов, урегулирование разногласий там, где применение процедуры медиации не целесообразно и/или не предоставляется возможным [4].

Расширение и увеличение области применения медиативного подхода позволяет информировать различные слои и разные возрастные категории общества о существовании, возможности применения альтернативных способов разрешения споров и выхода из конфликтных ситуаций. Заинтересованные в альтернативном разрешении споров и/или конфликтов как индивид, так и общество сформируют спрос на процедуру медиации. Таким образом укоренение медиации как правового института произойдет естественным образом, по социальному запросу.

Внедрение медиативного подхода и его широкое распространение позволяют преодолеть социальную пассивность, низкую ответственность, снизить градус агрессии в обществе. В процессе поиска альтернативного разрешения споров (в процедуре медиации, в процессе школьной медиации, в использовании медиативного подхода) формируется новый взгляд на разрешения споров и выхода из конфликтов. Личная ответственность за поиск, принятие и исполнение решения, разрешения спора, соблюдение договоренностей, открытость к диалогу (сама возможность диалога), сотрудничество и уважение, невозможные в ходе судебного и иного решения спора, дают основу для развития новых медиативных способов разрешения споров и выхода из конфликтов.

Значимость личности, ее сохранность и безопасность, ставится в медиативном подходе на первое место, подобно закону Гиппократы «Не навреди». Медиативный подход позволяет разрешать споры и конфликты не

формализуя процесс поиска решения. Будучи направлен на возможность, на выход из конфликта, медиативный подход является способом оздоровления конфликтной и постконфликтной ситуации, человека, личности, общества.

Инстинктивно стремясь удовлетворить свои базовые потребности [2] личность, человек ищет безопасность, принятие, признание, уважение и поддержку. Медиативный подход, основанный на принципах медиации, создает комфортную среду и стабильные позитивные социальные отношения. Профилактическая, терапевтическая, воспитательная значимость внедрения медиативного подхода в дошкольные и школьные образовательные учреждения подтверждается необходимостью снятия напряжения между учениками, учениками и педагогическим составом, родителями и педагогами, администрацией и родителями, педагогами и администрацией и т.д.

Создание благоприятной среды, воспитание в принципах медиации, формирование медиативных представлений и новых паттернов поведения создают условия для проявления человеческого в человеке. Пока вокруг человека и в человеке существует низкий уровень сознания и осознанности, он будет вести себя как животное, а не как человек. Среда и воспитание формируют поведение, в котором комфортно как самому человеку, так и тем, кто с ним взаимодействует.

Медиативный подход открывает возможность людям развернуться лицом друг к другу для взаимной поддержки и принятия (понимания), осмысленного диалога. Преобразование на паттерном уровне с помощью медиативного подхода навыков и привычек в поведении и общении человека служит осознанному ответственному участию индивида и общества в жизни. Видение общего будущего при применении человеком медиативных правил общения: взаимоуважение, равноправие, сотрудничество, открытость, ответственность, послужит развитию цивилизованного, справедливого и здорового общества.

«Сверхзадачей» человеческих институтов, в том числе прогресса, является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной смерти, но и сохранить в человечестве все человеческое – радость непосредственного труда умными руками и умной головой, радость взаимопомощи и доброго общения с людьми и природой, радость познания и искусства. Я верю, что человечество найдет разумное решение сложной задачи осуществления грандиозного, необходимого и неизбежного прогресса с сохранением человеческого в Человеке и природного в природе» [1].

Литература

1. Железнов, Ю.Д. Человек в природе и обществе. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. – 296 с.
2. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е изд.: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника

(процедуре медиации)"
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ дата обращения 10.10.2019

4. Шамликашвили, Ц. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений. http://fedim.ru/wp-content/uploads/2017/04/Shamlikasvili_3_2017.pdf
Вестник медиации – 2015. – 15 с.

ВИДЫ МЕДИАЦИИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Зотова Алина Вячеславовна – студентка 4 курса института гуманитарных и прикладных наук кафедры психологии и педагогической антропологии МГЛУ «Московский государственный лингвистический университет».

Попова Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, ст.н.с. ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», Москва, Моховая д 9 стр. 4., доцент МИП ORCID 0000-0001-8772-8990

Аннотация. В статье рассматриваются виды медиации в России и Германии. Приводится сравнение российского и немецкого понятийного аппарата медиации. Раскрываются подходы к определению медиации, особенности ее реализации на практике.

Ключевые слова: медиация, медиация, виды медиации, понятийный аппарат.

TYPES OF MEDIATION IN RUSSIA AND GERMAN

Zotova Alina Vyacheslavovna – student of 4 course of the Institute of Humanities and Applied Sciences, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology MSLU «Moscow State Linguistic University»

Popova Tatiana Anatolievna – Phd, senior researcher of the laboratory of scientific foundations of counseling and psychotherapy, Federal State Scientific Institution "Institute of psychology", Moscow, Mokhovaya str. 9, building 4 , ORCID 0000-0001-8772-8990

Annotation. The article discusses the types of mediation in Russia and Germany. A comparison of the Russian and German conceptual apparatus of mediation is given.

Key words: mediation, mediation, types of mediation, conceptual apparatus.

27 июля 2010 г. был принят Федеральный Закон №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)», который вступил в силу с 1 января 2011 года и тем самым создал правовые основания для становления и развития медиации в России. Он «явился практическим шагом к реализации мероприятий по внедрению примирительных процедур». Так как же определяют медиацию в России?

Медиация – урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. *Медиатор, медиаторы* - независимое физическое лицо, независимые

физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора.

Существуют множество сфер применения медиации, и с каждым годом их становится все больше. На сегодняшний день в России наиболее популярна семейная медиация, прежде всего медиация при разводе. Причины такого положения понятны: разводные дела часто очень затяжные, эмоционально тяжелые, не особенно выгодные для юристов.

Во многих странах мира, в том числе и в Германии, медиация уже давно широко применяется в коммерческих спорах, однако в российской практике есть немало факторов как способствующих, так и препятствующих развитию института медиации.

Немецкий концептуальный аппарат медиации несколько шире, чем российский, вследствие наличия определенных отраслей медиации, таких как административная медиация или онлайн-медиация. Ниже будут приведены ключевые термины немецкого законодательства. Перевод на русский язык выполнен Аболониным В.О., кандидатом юридических наук, магистром права (LL.M).

Медиация - конфиденциальный и структурированный процесс, в котором стороны при содействии одного или нескольких медиаторов добровольно и под собственную ответственность стремятся к взаимовыгодному урегулированию их конфликта.

Медиатор – независимое и нейтральное лицо, не обладающее полномочиями по разрешению спора, которое ведет стороны через процедуру медиации.

Сертифицированный медиатор - лицо, прошедшее обучение медиатора, которое отвечает требованиям распоряжения, предусмотренного в §6 Закона Германии от 26 июля 2012 г. «О поддержке медиации и других форм внесудебного урегулирования конфликтов».

Согласно классификации профессоров Вольтера Готтвальда (Dr.Walter Gottwald), Томаса Тренжека (Dr. Thomas Trenzcek) и Надьи Александер (Dr. Nadja Alexander) в Германии существуют такие виды медиации как:

Общественная медиация – вид, подразумевающий, что медиация будет проходить на общественном уровне: в сообществах справедливости, правовых центрах, в школах и других организациях, которые предлагают медиацию в широкую общественность. В России данный вид медиации тоже представлен. Существует множество организаций-провайдеров медиативных услуг, занимающихся разными вопросами.

Семейная медиация - вид медиации, занимающийся вопросами расставания и развода, воспитания детей, вопросов собственности и семейных споров о желаниях. В России это наиболее популярный вид медиации, о чем более подробно было описано выше.

Медиация в системе наследственного права, медиация в системе административного права, медиация в системе общественного права, медиация по вопросам интеллектуальной собственности – данные виды медиации непосредственно затрагивают различные области права. Процесс медиации может производиться как в досудебном порядке, так и в процессе судопроизводства. К сожалению, в России медиация редко используется в судах, в частности арбитражных.

Коммерческая медиация - вид медиации, подразумевающий собой работу с конфликтом в сфере коммерции и предпринимательства. В России такая практика более популярна, чем медиация судопроизводства.

Медиация по вопросам интеллектуальной собственности - медиация, в которой ведется работа с конфликтом по получению или оспариванию прав на патент со стороны или изобретателя и инвестора. Данный вид медиации активно развивается не только в Германии, но и в России, привлекая к себе общественное внимание.

Медиация на рабочем месте - вид медиации, в основе которого лежит внутрикорпоративный конфликт. В России подобная практика регулируется самой организацией, поэтому встречается не так часто.

Медиация в сфере экологии – или «экологическое разрешение споров» относится к медиации в публичной сфере, включая планирование, строительство и экологические аспекты.

Онлайн медиация - вид медиации, занимающийся разрешением споров в киберпространстве, то есть, между сторонами, чей конфликт исходит из Интернет-активности. Такие отрасли как медиация в сфере экологии и онлайн медиация являются для России достаточно молодыми и потому пока не получили широкого распространения и применения.

Школьная медиация - вид медиации, применяемый в школах, когда школьники сами работают как посредники для разрешения конфликтов между сверстниками. В России, как правило, обязанности медиатора в школе берет на себя школьный психолог.

Восстановительная медиация (между потерпевшим и обвиняемым) - медиация в отрасли уголовного права, когда потерпевшая и обвиняемая сторона пытаются решить конфликт в досудебном порядке.

Также специалисты Готтвальд, Александер и Тренджек выделяют в дополнение такие разновидности медиации, как медиация при банкротстве, страховая медиация, медиация при разрешении конфликтов по здоровью, медиация в строительстве.

Таким образом, мы видим разницу в подходах определения и понимания видов медиации в России и Германии. Несмотря на то, что Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» действует уже почти десять лет, процедура медиации продолжает находиться на первоначальном этапе своего развития. В качестве

причин выдвигается множество, например, этические соображения, не позволяющие сказать участнику дела, что его позиция слабая. Так же называют и то, что Закон очень мало внимания уделяет самой процедуре и технике ее проведения, а также то, что этот способ альтернативного урегулирования споров не встроен в систему правосудия. Ну и конечно факт того, что решение, принятое по результатам проведения медиации, исполняется добровольно.

Медиация довольно новое для России явление. Нам стоит обратиться к опыту наших зарубежных коллег, постараться перенять и адаптировать его. Тогда в скором времени мы сможем добиться эффективного внедрения ее в российских условиях и извлечь все ее достоинства.

Литература

1. Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. 2014 IV.
2. Богданова Д. М. Регулирование деятельности медиатора в Германии [Электронный ресурс]. – СПб.: ВПО СПбГУ, 1993 - . – Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3537/1/st013067.pdf> , свободный.
3. Иванова Е. Н. Российская медиация. ARBITRATION JOURNAL by the Arbitration Association, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/rossiyskaya-mediatsiya/>, свободный – (01.11.2019).
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 №193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2010. - № 31.- Ст. 4162
5. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-mediatsii-v-rossii>
6. Лукьянова Е. В., Худойкина Т. В. Проблемы реализации медиации в России [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2014. – №2. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/problemy-realizacii-mediatsii-v-rossii>
7. Alexander,N., Gottwald,W.,Trenczek,T., Mediation in Germany: The Long and Winding Road, p.179-212.//

УСТАНОВКА КАК ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В КОНФЛИКТЕ

Попов Петр Петрович – магистрант кафедры жилищно-коммунального хозяйства факультета инженерных систем и сооружений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», тренер-медиатор, член Ассоциации медиаторов «НОМ»; Московская обл., г. Балашиха, e-mail: fpb-2006@bk.ru

ORCID 0000-0002-9822-8833 SPIN-код: 4992-7974

Аннотация. В статье дано определение категории «общение». Охарактеризовано понятие «установка». Рассмотрена ее трехкомпонентная структура. Проведено исследования разных школ, отечественных и зарубежных литературных данных, разных научных контекстов: психология деятельности как фундаментальный подход к проблеме человека, социальная психология. Ставятся проблемные вопросы: как зависит поведение человека от установки? И можно ли управлять поведением человека, управляя установкой? Представлена концепция ценностных ориентаций личности.

Ключевые слова: установка, общение, конфликт, принятие решений, индивид, личность, социальная направленность общества.

INSTALLATION AS ONE OF THE MOST INFLUENTIAL FACTORS IN THE CONFLICT

Popov Petr Petrovich – master student of the Department of housing and communal services of the faculty of engineering systems and structures of the Voronezh State Technical University, coach-mediator, member of the Association of mediators «NOM»; Balashikha Moscow Region, e-mail: fpb-2006@bk.ru

Abstract. The article provides the definition of the category «communication». The concept of «installation» is characterized. Its three-component structure is considered. The research of different schools, domestic and foreign literary data, different scientific contexts: psychology of activity as a fundamental approach to the problem of man, social psychology. Problematic questions are raised: how does human behavior depend on the installation? And is it possible to control human behavior by controlling the installation? The concept of value orientations of personality is presented.

Keywords: installation, communication, conflict, decision-making, individual, personality, social orientation of society.

«Общение – необходимое условие формирования каждой отдельной личности. А, кроме того, без общения не могло бы возникнуть, существовать и развиваться человеческое общество. Категория «общение» является одной из

центральных в психологической науке. Проблема общения многогранна и в силу своей природы, является сложной и многоаспектной деятельностью. В нем потенциально и актуально содержатся элементы, затрудняющие оптимальный уровень его функционирования.

Современная психология постоянно обращается к изучению человека как субъекта многообразных видов деятельности и его жизнедеятельности в целом. Как правило, независимо от трактовки самого понятия «субъект деятельности» и уровней его рассмотрения выстраивается логика изучения данного явления в направлении поиска тех характеристик активности человека, которые приводят к позитивным изменениям его самого и окружающего мира. Субъект эффективной, успешной деятельности и такого же общения, чаще всего встречается в психологических исследованиях, в то время как личность в качестве субъекта деструктивного поведения, разрушения отношений, трудностей взаимодействия еще недостаточно изучена в отечественной психологии, несмотря на огромный интерес, проявляемый к этой проблеме в смежных отраслях психологии. Проблема общения обсуждается на протяжении нескольких последних десятилетий». Довольно глубоко и всесторонне эту тему анализировали Т.А. Аржакаева, А.А. Бодалев, Г.А. Ковалев, В.Н. Куницына, В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.В. Цуканова и др.

На особенности общения большое влияние в жизни личности оказывают установки. Анализ литературных данных позволил разделить установки, влияющие на участников конфликта, на внешние и внутренние.

Внешние установки – это такие установки, которые человек приобретает, находясь в определенной среде, под которой понимается, например, общество, семья, коллектив, на работе, в учебном заведении и т.д. Основным критерий установок, приобретенных извне: человек не приобрел бы такие установки, находясь в другом месте, или времени, или с другими людьми. У людей формируются определенные социальные установки по отношению к определенным общественным явлениям.

Внешняя установка – это определенная предрасположенность, которая появилась, в следствии социального опыта, у личности или группы, воспринимать и оценивать социально значимые объекты, а также готовность к определенным действиям, ориентированным на социально значимые объекты. Внешняя установка дает представление о приспособленности индивида в жизни в социуме, на его способность разделять общие представления и коммуницировать и обучаться.

Внешние установки – это состояния психологической готовности, складывающейся на основе опыта и оказывающей влияние на реакции человека относительно тех объектов и ситуаций, с которыми он связан, и которые социально для него значимы.

Внутренние установки – это такие установки, которые происходят, или берут начало от личности человека, т.е. индивидуальные особенности его физиологии, психологии, основным критерий внутренних установок не зависят от того в какую среду помещен человек, и проявляются всегда.

В конфликте внутренние и внешние установки могут действовать раздельно, а могут усиливать, усиливать и уменьшать, дополнять, и преобразовывать друг друга.

Эрик Берн в своем исследовании говорит о том, что личностные установки человека связаны с его жизненным сценарием.

Генри Олпорт сформулировал то, что установка зависит от предыдущего поведения и регулирует настоящее динамическое поведение с помощью определенного состояния сознания и нервной системы. Он пришел к мысли о необходимости выделения двух типов аттитюдов: побуждающих поведение и направляющих поведение. Первые – мотивационные, а вторые – инструментальные. Г. Олпорт один из первых пришел к выводу, что установки могут изменять свое назначение: инструментальные превращаться в мотивационные и наоборот.

Классические адепты психоанализа и различных его направлений говорят о том, что в личностных установках доминируют важность самосознания, которое состоит из эго, суперэго. Самосознание человека не меняется, какой бы опыт он не приобретал. И собственная психоэнергетика индивида регулируется установкой.

Бихевиористы говорят, что в личностных установках важнее контекст поведения, он ведет человека, что происходит с человеком в конкретный момент времени, каждый раз человеку дается новый шанс измениться.

Когнитивный психоанализ говорит о том, что в установках содержится главный элемент сознания, кондиции, представления об объекте или ситуации, то, как человек думает и воспринимает окружающую действительность и себя.

Стремление к балансу и целостности заставляет человека подстраивать либо убеждение к своему поведению, либо поведение к убеждению, таким образом «регулируя» свое мышление.

Внешними, социальными установками занималась преимущественно западная психология.

В 1918 В. Томас и Ф. Знанецкий первыми предложили понятия «аттитюд» «социальная установка» для характеристики внутренних факторов и «социальная ценность» для характеристики внешних факторов. Проведя анализ установок в письмах польских эмигрантов на Родину, ученые поняли, что процессы адаптации на чужбине зависят от цели эмигранта: если он считает свое пребывание на чужбине временным, с целью заработка, тогда процесс идет медленно, а если хочет ассимилироваться, влиться в культуру страны, тогда процесс адаптации идет быстро.

В 1920-е гг. Л. Тёрнстоун и Р. Лайкерт предложили систему шкал, с помощью которых, казалось, теперь легко предсказать поведение людей на основе их установок. Ими были выявлены следующие функции аттитюдов: адаптивные – установка направляет к объектам, которые помогают достижению его целей; функция быстрого знания – установка показывает автоматический способ поведения по отношению к объекту; функция саморегуляции –

установка снимает внутреннее напряжение, освобождая субъекта от принятия решения; функция защиты – установка способствует нивелированию внутренних конфликтов личности.

Все эти функции помогают человеку адаптироваться к жизни в обществе, обозначая правила и давая возможность участия в общественных отношениях.

Современное определение установки включает в себя эту трехчастную структуру и опирается на нее, в ней более подробно раскрыто, что подразумевается под «возможными действиями» индивида. То есть не только реальные и уже осуществленные действия, но и различные ожидания, замыслы, планы действий и стремления. При этом интенции, намерения не всегда находят реальное воплощение в действиях и поведении человека.

Зимбардо и Ляйппе считают, что все элементы трехчастной установочной системы аттитюда взаимосвязаны и реагируют специфично для каждой конкретной личности. Например, изменение одного элемента – кондиции, может вызвать изменение двух других элементов этой установки, а это в свою очередь может изменить поведение в отношении определенного социального объекта. А если эта кондиция связана с другими установками, то ее изменение поменяет их.

В 50-е годы М. Смит, Д. Брунер и Р. Уайт в теории перцептивной готовности, основное положение которой было то, что весь перцептивный опыт является конечным продуктом процесса категоризации, выделили функции для трехкомпонентной установочной системы аттитюда: оценка объекта; социальное приспособление; экстернализация.

Установка влияет на конкретное поведение человека, подвержена быстрым изменениям, это готовое впечатление, навязанное извне, это собственное отношение к чему-либо, она связана с ментальными структурами человека, также связана с реальными действиями человека.

Социальный запрос того времени поднимает вопрос о зависимости поведения человека от установки. Управляя установкой человека, можно управлять его поведением, или нет?

Трехкомпонентная структура установки говорит о конативной составляющей как о намерении к действию. А что же происходит, когда человек все же действует в реальности? Оказалось, что его поведение практически не предсказуемо и никак не связано с установкой. На человека воздействует такое количество переменных внешних и внутренних факторов, в данный момент времени, что решение о поведении принимается в зависимости от этих факторов каждый раз, если только речь не идет об автоматическом навыке.

Поэтому влиять на поведение человека можно, но сложно. А уж померить это в «полевых» условиях, или в лаборатории совсем не представляется возможным. Можно говорить только об общей доминирующей направленности личности.

Если совершить исторический экскурс, то выглядело это так: в разное время появлялись разные исследования. Одно из самых противоречивых на заре исследований был эксперимент Лапьера в 1934 г., известное как «парадокс Лапьера», суть которого в том, что аттитюд не согласуется с реальным поведением индивида. Этот парадокс получил множество трактовок.

Несовпадение между проявленными вербально установками и реальным поведением говорит о том, что в трехкомпонентной структуре социальной установки имеется противоречие.

Шихирев пишет о раздроблении целого психологического знания об установке с помощью трехкомпонентной структуры.

М. Рокич в 1961 году объяснил парадокс Ла Пьера следующим образом: установки не определяют поведения! По Рокичу установка определяет поведение только при совпадении отношения к объекту и ситуации. То есть объектом в данном случае были китайцы, а ситуацией – обслуживание клиента в отеле. Имея негативную установку по поводу китайцев, управляющие отелей действовали позитивно.

В 1964г. Л. Фестингер, пришел к выводу, что поведение не меняется от изменения установки. Человек сначала действует, а потом объясняет свое поведение.

В 50-60-е гг. психологи озаботились проблемой изменения установок. Появляются теории функций установки Смита с соавторами, Х. Келмэна.

Э. Стотленд и Д. Кац предположили, что в разных ситуациях преобладает или аффективная, или когнитивная компоненты аттитюда. Они и меняют человеческое поведение в ту, или иную сторону.

Подтверждением этому стали исследования процесса убеждения К. Ховлендом, в которых изучалась связь между эмоциями и убеждениями. Влечет ли изменение когнитивного компонента за собой изменение аффективного компонента и наоборот.

Ховленд пытался ответить на множество вопросов, особенно на тот – как же изменить установку? Он предположил, что, измерив аттитюд, можно прогнозировать его изменение.

Была проведена большая работа по исследованию проблем измерения установки, но она же и показала зыбкость измерений аттитюдов с помощью шкал и лабораторных опытов. Оказалось, не понятным, как измерять действия личности в социальных структурах, где в основном и действуют установки. Получается, что берется идеальный человек в идеальном пространстве, и исследуется его идеальная установка. «Нам думается, что психология вообще не должна рассуждать об абстрактных психических свойствах, процессах или состояниях. Это единственная наука, которая обязана рассматривать физическое и психическое в рамках одной системы – живого организма. Ибо если утеряна индивидуальность, утеряна жизнь исследуемого организма, то для психологии это означает потерю почти полностью предмета изучения».

В 1960-70 гг. Рокич М. Разработал концепцию ценностных ориентаций личности. Он разделил все ценности на терминальные и инструментальные. По Рокичу человек имеет собственную систему ценностных суждений, а именно, на материальные ценности, отношения, других людей, на все события вокруг, на свое поведение, которая делится на: стратегическую систему – потребности, ценности и тактическую систему – установки. Терминальные ценности: характеризуют веру в общее понятие; осознаются людьми как нечто мало подверженное изменению; меняется их приоритетность, или порядок расположения, по мере социального развития человека; идут изнутри; ценности зависят от культуры и социального слоя человека.

Инструментальные ценности: оказывают влияние и связаны с реальным поведением человека; приобретаются под внешним воздействием на человека; результат психологических изменений личности в развитии; подвержены изменению; набор верований, которые относятся к одному объекту, или ситуации.

Положения Рокича М. основывались на широкомасштабных полевых исследованиях, где человеку предлагалось иерархически распределить ценности из двух списков.

Теория Рокича М. затронула тему ценностных ориентаций личности, она была не свойственна основному запросу западного общества на тот момент, которое требовало технологии изменения установок, под влиянием конъюнктуры рынка и интересов американского общества.

Учение о «внутренних», или психологических установках разрабатывалось в рамках отечественной психологии, и его основоположником был Д. Узнадзе. Его теорию установки впоследствии развили и дополнили Ш.А. Надирашвили, В.А. Ядов, А.Г. Асмолов, В.М. Мясищев, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев.

Мыслительный, поведенческий и эмоциональные аспекты в установке имеют разный удельный вес. И когда речь идет о принятии решений на уровне сложной иерархической системы диспозиций эти три параметра: чувства, действия, мысли соотносятся между собой по-разному.

В простых конкретных ситуациях, преобладает эмоциональный аспект установки, другое дело ситуации, где не существует готовых решений, где нужно его принимать на основе обдумывания ситуации. «Нельзя представить себе систему ценностных ориентации личности, включающую отношение к основным ценностям жизни, таким, как труд, мораль, политические идеи, построенную по преимуществу на эмоциональных оценках».

Считается, что идеи Узнадзе Д.М. и его школы стали отправной точкой для создания теории В.А. Ядова. Сам Ядов рассказывал о том, что метафора о диспозиции, военном термине, определяющем устремления человека, пришла к нему после размышления об «эффекте Лапьера».

В.А. Ядов сохранил иерархическую концепцию установки, надстроив некоторые этажи этой теории. В.А. Ядов ввел новое понятие «диспозиции»

куда включил понятия «социальная установка», «установка», «ценностные ориентации», «направленность личности».

А.Г. Асмолов дополнил диспозиционную концепцию личности В.А. Ядова своей классификацией уровней установок.

Это соотносится с теорией Бейтсона, согласно которому высшие логические уровни всегда организуют и стимулируют низшие уровни. При изменении конструкции на высшем уровне, изменения происходят и на низшем уровне, тот же принцип действует при изменении «смысловой» установки по Асмолову. В его теории смысловые установки переучиваются, а операциональные установки перевоспитываются. При этом изменение деятельности человека является необходимым условием.

А.Г. Асмолов выдвигает гипотезу об иерархической уровневой структуре установки, разрабатываемой в русле направления общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Он опирается на представления о наличии разных уровней установки и роли содержательного фактора, вызывающего установку в структуре деятельности.

Таким образом, диспозиционный подход устанавливает связи между социологическими, социально-психологическими и общепсихологическими подходами.

Психическая жизнь и ее развитие зависят от взаимодействия социальных и биологических факторов. Реальное действие индивида, следующее за установкой, может не осуществиться или быть искажено, не приводить к цели, многочисленными факторами, влияющими на установки. Готовность установки, не соответствующая условиям деятельности, приводит к искажению достигаемой цели, или внутренней фрустрации.

Культурные, социальные, ситуативные факторы.

Фактор культурной среды.

Система представлений человека о мире и отношениях не существует изолированно. Она складывается в процессе его взаимодействия с обществом. Так, согласно Л.С. Выготскому, форма развития человека – общественно-историческая: мы понимаем наш мир, усваивая значения, разделяемые окружающими нас людьми.

В обществе, в культуре сталкиваются, перемалываются и «живут» бок о бок совсем разные системы представлений о мире, о текущей ситуации, о других людях, об общественных взаимоотношениях. Для этой общественной формы «жизни» представлений о мире есть понятия «мотив», «инфоповод», «контент», «PR», «конъектура», а в контексте нарративной практики и работы с сообществами, в том числе в формате медиации еще и «дискурс». Часто эти культурные представления в сознании конкретного человека живут бок о бок, и он не замечает их противоречивости, а все, потому что мы живем в мультикультурной, мульти нормативной среде. Факторы культурной среды бывают внешние и внутренние.

Внешние: культурный контакт с представителями другой культуры; изменение природных условий требуют культурной адаптации к новым условиям жизни.

Внутренние: демографический фактор; экономический фактор. Чем более развита экономика, тем рафинированная культура. Развитие культуры зависит от увеличения количества энергии; роль личности в культурных процессах; религиозный фактор; внутренняя культурная динамика. Саморазвитие системы.

В итоге человек получает нормы социальной адекватности, и противоречивость допустимых способов осуществления практических и символических действий, связанных с тем, что традиции изменяются и обновляются и процесс этот постоянен. Джеральд Монк в своей книге о нарративной медиации пишет: «Наш мир смыслов изменчив», говорит он «постоянно появляются и развиваются новые смыслы». Нормы есть, а действия, ведущие к этим нормам, могут быть разными, в том числе и конфликтными.

Противоречия между двумя социальными установками или группами установок в обществе практически не бывает. Социальная направленность общества идет по одному вектору, а вот во взаимодействии личных установок и социальных бывают противоречия, т.к. социальные установки – это способ управления обществом и индивидом, а любой вид управления вызывает принуждение. А любое принуждение сталкивается с личной свободой и личными приоритетами человека. В связи с этим у людей мало возможностей влиять на собственную жизнь и совершать самостоятельные поступки.

Социальные факторы.

Сложность, мульти культурность представлений о мире, бытующих в современном индустриальном обществе, а подчас даже их противоречивость, ставит перед практиком, работающим с людьми в области разрешения конфликта, проблему создания адекватного «пространства», в котором могли бы стать «видимыми», прозрачными некоторые социальные представления, на основании которых действуют люди в конфликте. К каким сферам жизни принадлежат эти представления? Культурная среда, в которой живет современный человек, содержит различные представления о том, как надо жить, например:

патриархальные дискурсы: мужчина должен заботиться о детях, потому что он глава семьи и кормилец; женщина – единственный человек, который растит детей и заботится о них;

дискурсы об ощущении себя вправе, или представления о распределении социальных привилегий: мужские привилегии, расовые привилегии, молодость как привилегия, гетеросексуальность как привилегия, богатство, образование, физическая дееспособность;

гендерные паттерны: порабощение и подчинение женщины.

В работе Дж. Монка и Дж. Уинслейда рассматривается кейс о Фионе и Грэге, супружеской паре, которая существовала в традиционных гендерных потерях разделения труда, свойственных для семей в патриархальных

традициях: мужчина зарабатывает деньги и отвечает за это, женщина ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей. Эта пара просто продолжила жить в паттернах, смоделированных до этого, их родителями. При этом каждый из супругов считал, что шел на жертвы из-за исполнения этих правил и считал себя вправе на различные виды компенсации этих жертв – материальные и не только – после развода.

Выяснение таких «само собой разумеющихся» представлений о браке и взаимоотношениях помогло понять, как они разрушали у Фионы чувство уверенности и благополучия, а у Грэга создавали ощущение замешательства и «подвешенности».

Конвенциональные и культурные дискурсы требуют очень много за исполнение соответствующих ролей. Поэтому для медиатора, в свою очередь, так важны социокультурные контексты, при разрешении конфликта. Он не просто выслушивает факты и устанавливает интересы сторон, но также проявляет интерес к культурным и историческим процессам, приведшим к их возникновению.

Мы наследуем не только культурный мир, в который приходим, но и язык, которым пользуемся, все эти знания нанесены на личность как карта, поэтому с точки зрения Дж. Монка и Дж. Уинслейда, не установки или социальные структуры творят и конструируют жизнь, а повседневные взаимодействия между людьми.

С точки зрения медиации, пишет Дж. Монк, конфликты происходят из-за того, что у сторон нет доступа к истине или фактам. А точка, с которой рассматривается конфликт, определяется какой-то культурной позицией.

Социальная установка может содержать стереотип и предрассудок.

Одна из функций человека в социуме – это его роль: индивид вынужден одновременно выполнять несколько разных ролей; ожидания, которые исходят от других соц. ролей, оказываются несовместимыми; представления индивида о выполняемой им роли не совпадают с представлениями, которые имеют другие о его роли.

Ситуативные факторы.

Проанализировав воздействие социокультурных факторов на человека, можно с уверенностью сказать, что в работе медиатора необходимо их анализировать и учитывать, но повлиять на них очень сложно в рамках сеанса медиации.

Практически все участники конфликта, а также сам медиатор находятся под влиянием социальных культурных политических экономических географических и других внешних факторов. Поэтому, во время сеанса медиации и самому невозможно полностью быть свободным от этих влияний. На эту проблему нарративная практика дала ответ – это идея рефлексивной субъективности и децентрированная, но влиятельная позиция медиатора.

И самое важное, анализ социокультурных факторов воздействия происходит совместно с воздействием факторов внутренней среды, т.е. факторы внутренней и внешней среды могут усиливать друг друга, ослаблять или вступать в сложные взаимоотношения, если уж так на чистоту друг другу. В работе медиатора, а именно, в работе с установками человека на уровне конницы, важно анализировать то, как эта кондиция относится к факторам внешней среды, насколько в данный момент сильно влияние этих факторов.

Личностные установки – это те установки, которые сформированы самим человеком. А именно, его личным восприятием: действительности, событий, окружающих его людей и других социокультурных факторов.

Как формируется «внутренний» личности? Как личность изучают психология, философия, биология, генетика, нейрофизиология?

Психология говорит, что в детстве у ребенка на основе личного опыта, в процессе жизненного познания, под влиянием значимых других, виртуальных образов формируются базальные убеждения. Эти представления постепенно укладываются в схемы: о себе, о других, как устроен мир, как он функционирует. Сознание человека формирует концепции, которые подкрепляются последующим опытом и, в свою очередь, влияют на формирование убеждений, ценностей, позиций, установок.

Эти когнитивные структуры могут быть адаптивными или дисфункциональным. Они активируют стимулы, стрессоры и обстоятельства.

В биологии и нейрофизиологии: Человеческая природа зависит от двух основных биологических факторов, существенных для устройства человека: сокращение следования инстинктов и рост отделов и коры головного мозга, говорил.

Развитие человека сопровождается процессом доминирования функций мозга над инстинктивной детерминацией.

Ведь если отбросить базовые инстинкты самосохранения и сексуального влечения, у человека нет изначально других программ, как себя вести. Но мозг человека, почти в три раза превосходящий объем мозга его предков, обладает гораздо большим количеством межнейронных связей, которые и являются основой ассоциативных процессов.

И благодаря им человек и приобретает такое качество, как самосознание. По мнению Э. Фромма, противоречивость человеческой личности связана с жизненным противоречием между инстинктами, которых мало и самосознанием, которое преобладает.

В антропологии основоположник Макс Шелер считал, что наука антропология отвечает на вопрос: что есть человек? Двойственная основа всего сущего, породила мощный «порыв» и бессильный «дух». Их противоположность изначальных потенций – это противоположность самого человека. В практике медиации, очевидно, могут использоваться контексты из философии и психологии.

Разные науки по-разному подходят к изучению личности. Но есть эссенциалистское представление, доминирующая идея о том, что в человеке есть набор определенных качеств, присущий именно ему и сохраняющийся почти всю его жизнь неизменно. Но, несмотря на это изменения в человеческой личности возможны.

Более современные направления философии, психологии, социологии рассматривают личность человека в динамике ее поведения. Эта динамика дает человеку возможность каждый раз поступать по-новому, не смотря на статичные свойства ее личности. Любая деятельность человека – это взаимное пересечение неизменяемых свойств его личности, изменяемого поведения и изменения внешней среды. В результате чего, у человека всегда есть выбор, как поступить.

Выявлением и изменением личностных установок занимается психология и психиатрия. Медиация, организуя внешнюю среду для общения, также апеллирует к способности человека совершать жизненные выборы человека и может влиять на осознаваемые вербализуемые установки, затрагивая ценностный план, прояснять интересы.

Литература

Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций [Текст] / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ, 2015. – 352 с.